This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

HPI
HL 1RPW N

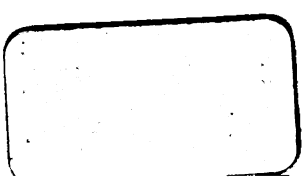
DEMCHENKO

ПРИТОМЬЕ ЛЮДИ

1899

RUS
997
DEM

HARVARD
LAW
LIBRARY



Г. В. ДЕМЧЕНКО.

(727)

ПРИТОМНЫЕ ЛЮДИ

И

КОПНАЯ СТОРОНА.

1899.

ВАРШАВА.

Типографія Варш. Учеб. Округа. Краковское-Предмѣстье, № 3.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Варшавскаго Университета.

Ректоръ проф. *Г. Э. Зенгеръ.*

APR 1 1932

Притомные люди и копная сторона.

Къ вопросу объ устройствѣ вѣчевого суда.

Доц. Г. В. Демченко.

„Добрые люди душею прямы, животомъ прожиточны и всѣмъ любы".

Изъ старыхъ грамотъ.

I.

Просматривая акты о копныхъ судахъ, мы постоянно встрѣчаемъ указанія на то, что эти суды отправляются въ присутствіи какихъ-то постороннихъ лицъ. Объ этихъ лицахъ лаконически говорится, что они „при томъ были", и иногда они же обозначаются производнымъ отъ такихъ словъ выраженіемъ: „люди притомные" („ludzie przytomni")[1]).

Что обозначаетъ присутствіе этихъ притомныхъ людей на копѣ?

Какъ извѣстно, старый процессъ происходилъ при самомъ широкомъ участіи въ немъ земскихъ добрыхъ людей. Они въ качествѣ постороннихъ засѣдателей присутствовали въ судахъ, играли здѣсь чрезвычайно важную роль и о нихъ старые акты

---

[1]) Вопросъ о притомныхъ людяхъ никѣмъ еще не изучался и самый этотъ терминъ въ литературѣ не извѣстенъ. Матеріалы, которыми мы пользовались, указываются отдѣльно въ концѣ каждой главы.

юго-западной Россіи (акты московскіе даютъ нѣсколько иную формулу) тоже лаконически говорили, какъ о людяхъ, которые „при томъ были“. Въ какой степени притомные люди копы могутъ быть сопоставлены съ этими засѣдателями, съ этими—употребляя терминъ памятниковъ московскихъ — судными мужами стараго процесса? И вообще возможно ли дѣлать такое сопоставленіе, можно ли говорить о судныхъ мужахъ, когда рѣчь заходитъ не о судѣ органовъ правительственной судебной власти, а о судѣ вѣчевомъ и, слѣдовательно, всецѣло народномъ, общенародномъ—такъ какъ копа дѣйствительно есть судебное вѣче не только по своему значенію, но даже и по терминологіи древнѣйшихъ актовъ? Въ пользу утвердительнаго отвѣта говорятъ общія условія стараго процесса, а затѣмъ и несомнѣнныя свидѣтельства судебныхъ актовъ копы.

II.

Нѣкоторыя изъ общихъ причинъ возникновенія судныхъ мужей, несомнѣнно, должны были проявить свое дѣйствіе въ равной степени и тогда, когда судить приходилось особо установленному судьѣ (judex), и тогда, когда судилъ самъ народъ.

Причины эти просты и не многочисленны.

Прежде всего можно указать на обстоятельство, которое для вѣчевого суда имѣло особенное значеніе,—на необходимость внѣшняго закрѣпленія всякаго юридическаго акта. На судѣ каждое дѣйствіе стороны, или участвующаго лица, или самого судьи имѣетъ извѣстное юридическое значеніе и обставлено строжайшимъ формализмомъ. Вызовъ въ судъ, явка, предъявленіе иска, возраженіе противъ него, споръ и доказательства, наконецъ, рѣшеніе—все это предполагаетъ рядъ опредѣленныхъ формальныхъ актовъ, которые, съ одной стороны, въ самый моментъ ихъ совершенія должны быть оцѣнены и подчинены извѣстному контролю, съ другой—должны быть удостовѣрены такъ, чтобы впослѣдствіи всегда возможно было доказать ихъ исполненіе и притомъ исполненіе правильное, формально согласное съ обычаями (законами) процесса. Для достиженія указанныхъ цѣлей въ современномъ

процессѣ прибѣгаютъ къ протоколированію всѣхъ актовъ судопроизводства и самое судебное рѣшеніе облекается въ письменную форму, контроль же и оцѣнка этихъ актовъ предоставляется суду, какъ полному рѣшителю всей тяжбы. Конечно и старый процессъ требовалъ такого построенія, при которомъ бы достигались обѣ указанныя задачи; но средства для этого были другія, такъ какъ письменности сначала не существовало и вовсе, потомъ—она находила ограниченное примѣненіе.

Въ эпоху Русской Правды рѣшеніе суда оставляло послѣ себя документальный слѣдъ только въ самыхъ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ—напримѣръ, когда самое дѣло являлось законодательнымъ прецедентомъ и приговоръ служилъ казуистической формой закона, въ составъ котораго потому и включался. Такъ, и до нашего времени дошелъ Изяславовъ приговоръ о томъ конюхѣ, котораго убили Дорогобужцы: „а въ княжи тивоунѣ 80 гривенъ“, говоритъ одна изъ статей Русской Правды, „а конюхъ старыи оу стада 80 гривенъ, яко оуставилъ Изаславъ въ своемъ конюсѣ, его же оубилѣ Дорогобоудьци“. Впрочемъ, быть можетъ, иногда могли отмѣчаться и другіе приговоры: Русская Правда знаетъ уже „писца“, который ѣздитъ съ вирникомъ или съ мечникомъ для сбора виры или продажи и за это получаетъ 10 кунъ. Хотя въ XII в. отдѣльные юридическіе акты и сдѣлки уже облекались въ письменную форму (жалованная грамота Юрьеву монастырю, купчая Антонія Римлянина, вкладная Хутынскому монастырю), но собственно судебныя рѣшенія въ такой формѣ впервые извѣстны намъ отъ второй половины XIV вѣка (судныя книги юго-западной Руси конца столѣтія, отъ 1384 г., и судное дѣло временъ Дмитрія Донского), когда появляются объ этомъ и первыя постановленія законодательства—Уставной Двинской Грамоты и Псковской Судной Грамоты. Около этого же времени впервые упоминается объ особыхъ должностныхъ лицахъ, дьякахъ, исполняющихъ роль судебныхъ писцовъ. Между прочимъ Двинская Грамота 1397 г. говоритъ:

„А дьякомъ отъ писма отъ судные грамоты двѣ бѣлки“.—„А не станетъ у суда, и на того намѣстници дадутъ грамоту правую безъ судную“.

Затѣмъ, Псковская Судная Грамота, повторяя предписанія о выдачѣ судебнаго рѣшенія въ письменной формѣ („судница", „безсудная грамота") и написаніи его „писцемъ", облекаетъ уже въ письменную форму и первый актъ процесса—вызовъ къ суду, который совершается посредствомъ „позывницы" или „приставной грамоты". Позднѣе мало-по-малу начинаютъ облекаться въ письменную форму и другіе акты процесса: „судьѣ велѣти своему дьяку тое дѣло записать",—говоритъ Новгородская Судная Грамота, настаивая на необходимости всякому („коему ни есть") суду вести письменные протоколы судоговоренія. Однако и послѣ того правыя грамоты составляются и выдаются только по просьбѣ заинтересованныхъ лицъ—и такъ даже въ XVII и XVIII вѣкахъ. Одновременно съ тѣмъ въ книгахъ судовъ литовско-русскихъ отмѣчаются тѣ только дѣла, на записку которыхъ какая-нибудь изъ сторонъ тяжбы изъявитъ желаніе и внесетъ установленную плату: „похочетъ ли сторона вырокъ судовый до книгъ земъскихъ або кгродъскихъ вписать, то ей волно будетъ",—говоритъ Литовскій Статутъ. Потому и на заглавномъ листѣ судныхъ книгъ иногда читаемъ: „хтожъ записное дьяку далъ, то того судъ тутъ записано"; потому встрѣчаемъ и записи не законченныя—судебный актъ начатъ и послѣ десятка строкъ прерванъ на полусловѣ, а затѣмъ слѣдуетъ иногда помѣтка: „dla tego nie dopisował, yż 6 gr. nie oddał".

Такимъ образомъ до XIV в., можно сказать, акты судопроизводства вовсе не записывались; позднѣе даже въ тѣхъ судахъ, гдѣ письменность получила широкое развитіе, часто многое на судѣ могло оставаться безъ протоколированія.

Между тѣмъ значеніе письменности и необходимость въ случаѣ нужды такъ или иначе восполнить ея недостатокъ сознавались уже въ глубокой древности. Объ этомъ не однократно говорятъ памятники XIII и слѣдующихъ столѣтій, напр. Договоръ смоленскаго кн. Мстислава съ нѣмцами 1229 г., Уставная Грамота Бѣльскаго повѣта 1501 г., Уставная Грамота Полоцкой земли 1511 г. и др. Общій смыслъ относящихся сюда замѣчаній всѣхъ этихъ памятниковъ яснѣе всего и лучше всего выраженъ въ договорѣ съ нѣмцами: „что дѣлается во времени, то

и исчезаетъ во времени; но если приказано будетъ добрымъ людямъ или утверждено грамотою, то будетъ всѣмъ вѣдомо и тѣмъ, кто послѣ насъ въ живыхъ останется". Вотъ отчетливо высказанная и вѣрная мысль—закрѣпить въ памяти то или другое событіе можно только или съ помощью „грамоты", или съ помощью „добрыхъ людей". Когда нѣтъ грамоты,—нужны добрые люди. Судья судитъ передъ добрыми людьми, присутствіе которыхъ восполняетъ тѣ недочеты суда, какіе необходимо возникаютъ въ виду общей безграмотности часто всѣхъ участвующихъ лицъ, не исключая и самого судьи.

Такіе добрые люди должны были присутствовать и на судѣ вѣчевомъ (копномъ).

Копа едва ли не въ большинствѣ случаевъ являлась повально безграмотной—особенно въ древнѣйшія времена, но объ этомъ часто говорится даже и въ дѣлахъ конца XVII столѣтія. Между тѣмъ многолюдное собраніе народа, рѣшавшее дѣло, въ цѣломъ своемъ составѣ было мало пригоднымъ свидѣтелемъ суда. Конечно, явка на копу была обязательной для всѣхъ ея членовъ, и потому всѣ равно могли знать, видѣть, слышать и понимать все происходившее во время копнаго суда. Но такая возможность вовсе не обозначала, что и въ дѣйствительности всѣ „мужи" принимали въ дѣлѣ одинаково живое и дѣятельное участіе. Выходили на копу всѣ, потому что никто не хотѣлъ нести на себѣ невыгодныя послѣдствія стараго копнаго правила: „невыходъ всегды платитъ шкоды". Но многіе только и ограничивались такимъ выходомъ, относясь къ дѣлу вполнѣ безучастно. Примѣры полной безучастности того или другого копника отмѣчаются иногда и въ судебныхъ актахъ. Такъ, по дѣлу 7 Іюня 1574 г. на копу былъ вызванъ бояринъ Васько. На вызовъ этотъ онъ пошелъ, „будучи послушонъ и жалосливъ шкоды суседнее". Однако же послѣ того, какъ собрались на копу и другіе многіе люди, бояринъ Васько, отойдя въ сторону, заснулъ, а когда проснулся,—обратился къ собранію съ предложеніемъ покончить дѣла и расходиться по домамъ („абы вжо тое копы конецъ былъ, ижъ бы вжо до домовъ своихъ розышли"). Понятно, что такой копникъ былъ бы плохимъ свидѣтелемъ суда, на которомъ присутствовалъ.

Но даже и другіе болѣе дѣятельные участники копы при всемъ желаніи не всегда одинаково ясно могли все видѣть, слышать и понимать. Ближайшіе къ мѣсту дѣйствія („къ посродку громады“) и болѣе наблюдательные находились въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ остальные. Поэтому въ важнѣйшихъ случаяхъ сама копа, сознавая, что въ толпѣ, въ массѣ народа наблюденіе интереснаго и важнаго факта неудобно и невозможно, прибѣгала къ помощи небольшого числа добрыхъ людей, прося ихъ взять на себя спеціальную обязанность такого наблюденія и послѣдующаго констатированія его результатовъ. Такъ бывало при многолюдныхъ копахъ, когда приходилось выслушивать важныя показанія, производить допросы, осмотры и освидѣтельствованія. Въ одномъ, напримѣръ, случаѣ копный судъ „купуетъ и чинитъ опытъ“; разныя лица даютъ разныя показанія, но все несущественныя. Вдругъ выступаютъ дѣйствительно важные свидѣтели, которые, „ставши передъ тоею громадою всею зъ розныхъ сюлъ людей“, дѣлаютъ дѣйствительно важныя заявленія. И вотъ что происходитъ на копѣ:

„Тогъды тая купа вся зезволили се на тое, же по двохъ мужовъ кождое село одъ себе на выслуханье повести тихъ людей для лепшого сведоцтва выбравши слухати имъ казали“.

Однако даже и та часть копы, которая сама наблюдала и знала все дѣло, въ цѣломъ своемъ составѣ не всегда была пригодна для ссылокъ въ подтвержденіе тѣхъ или другихъ актовъ копнаго суда. Мало было сослаться на свидѣтеля суда; нужно было „поставить“ его и получить отъ него соотвѣтствующее подтвержденіе ссылки. Судья въ это не вмѣшивался; въ большинствѣ случаевъ онъ ограничивался простымъ разрѣшеніемъ заинтересованному лицу дѣйствовать, какъ оно найдетъ для себя болѣе удобнымъ:

„А похочетъ ли зъ самыхъ копныковъ до признанья тое реляцыи ставити, то его милости вольно будетъ“.

Но личныя средства заинтересованнаго лица могли привести къ желательнымъ результатамъ тогда, когда требуемый свидѣтель не только зналъ дѣло, но и желалъ явиться въ судъ и подѣлиться съ судомъ своимъ знаніемъ. „Заручить“ свидѣтеля

можно было, конечно. Но свидѣтель „подъ зарукой“ былъ опаснымъ, ненадежнымъ свидѣтелемъ, и потому обыкновенно къ такому пріему не прибѣгали[1]). Между тѣмъ въ составѣ копы бывали не только лица, дружественно („приятели“) или безразлично („постронцы“) относящіяся къ сторонамъ дѣла; попадались прямые враги („неприятели“) той или другой стороны. Конечно, получить свидѣтелей изъ среды „постронцевъ“ и, особенно, изъ среды „неприятелей“, хотя бы они знали о дѣлѣ, было затруднительно: „за жеданьемъ стороны поводовой или отпорной“ являлся свидѣтельствовать свой судъ тотъ, кто хотѣлъ потрудиться въ ея интересахъ. Вотъ почему, если сама копа или ея представители добровольно не являлись въ судъ засвидѣтельствовать свой приговоръ, сослаться въ подтвержденіе тѣхъ или другихъ актовъ копнаго суда на всю копу можно было развѣ только въ самыхъ серьезныхъ случаяхъ, когда допускалось примѣненіе „шкрутынія“. Обыкновенно же приходилось довольствоваться показаніями о судѣ со стороны небольшого числа свидѣтелей.

Выбрать добрыхъ людей, свидѣтелей копнаго суда, можно было конечно и изъ состава самой копы, которая по своей многочисленности часто представляла достаточную возможность выбора. Но, не говоря уже о томъ, что копы иногда бывали очень малолюдны (различалась „малая копа“, состоящая иногда только изъ нѣсколькихъ человѣкъ, и „большая копа“), свидѣтели суда по самому существу своихъ обязанностей вовсе не должны были непремѣнно принадлежать къ составу вѣча. Судья, разбиравшій много дѣлъ (иногда одновременно—напримѣръ, копа 24 Октября 1695 г. разбираетъ семь случаевъ различныхъ кражъ), не могъ каждое изъ нихъ въ отдѣльности такъ запомнить, какъ добрые люди, которые спеціально для того и присутствовали на судѣ. Многочисленность дѣлъ обременяла память и стирала ихъ индивидуальные признаки. На вопросъ, предложенный одному му-

---

[1]) Зарука, закладъ—штрафъ, имѣвшій между прочимъ и то значеніе, что имъ всякій могъ обезпечивать свои законныя требованія, обращенныя къ другому лицу. См. Г. В. Демченко, Наказаніе по Литовскому Статуту, 1894 г., ч. I, стр. 90 и сл.

жу, какъ разрѣшенъ былъ именно данный случай поземельной тяжбы, онъ отвѣчалъ: „я того ничого не вѣдаю; много я со княземъ ѣжчивалъ (для разбора дѣлъ), мнѣ того не перепамятовати". Между тѣмъ для лица, которому нужно было возстановить и подтвердить копный приговоръ, важнѣе всего была надежность свидѣтеля, увѣренность въ томъ, что на него всегда можно положиться и „послаться" безъ риска и что его показаніе всегда будетъ принято судомъ.

Съ этой точки зрѣнія заинтересованное лицо при выборѣ свидѣтелей должно было всегда отдавать предпочтеніе или тому, кто по своему офиціальному положенію былъ призванъ дѣйствовать въ качествѣ довѣреннаго представителя fidei publicae (напр. возный), или тому, кого считало въ числѣ своихъ друзей („пріятелей"), всегда готовыхъ и словомъ, и дѣломъ оказать необходимую помощь и поддержку. Привлечь же къ дѣлу своихъ друзей было тѣмъ легче, что старый процессъ носилъ на себѣ отпечатокъ суда третейскаго.

Третейскій характеръ стараго процесса отмѣченъ уже давно. Благодаря такому характеру суда всякій судья являлся или какъ добровольно избранный сторонами посредникъ (даже о высшемъ представителѣ власти старые акты говорятъ иногда, что стороны „зарядили себѣ третьего, государя великого князя Ивана Васильевича"), или во всякомъ случаѣ какъ судья, дѣйствующій при помощи добровольно избранныхъ представителей сторонъ. Едва-ли вѣчевой судъ (копа) въ этомъ отношеніи могъ представлять какое-нибудь исключеніе. Для такого исключенія не было никакихъ достаточныхъ основаній, такъ какъ судъ народнаго собранія именно и отличается своей крайней впечатлительностью, своей наклонностью проявлять иногда массовые инстинкты, стадныя движенія возбужденной толпы. Если приговоръ правительственнаго судьи желательно было гарантировать отъ увлеченій, пристрастія и злоупотребленія, и если для этого признавалось возможнымъ и умѣстнымъ привлечь къ суду стороннихъ посредниковъ; то вѣчевой судъ въ такой гарантіи нуждался еще болѣе и безъ такой гарантіи часто являлся вполнѣ невозможнымъ.

Институтъ судныхъ мужей, носящій на себѣ этотъ третей

скій отпечатокъ стараго процесса и потому органически съ нимъ связанный, былъ институтомъ вполнѣ пригоднымъ для всякаго суда, не исключая и копнаго, вѣчевого. На этотъ счетъ иногда и старые акты даютъ указанія, не оставляющія сомнѣній. Такъ, въ Минскихъ дѣлахъ конца XVI в. содержится описаніе одного судебнаго вѣча, которое вполнѣ проникнуто третейскимъ характеромъ. Истецъ-потерпѣвшій собираетъ копу для разысканія вора, похитившаго у него лошадей. Копа сходится, являются истецъ и отвѣтчикъ. Тогда истецъ, поступая согласно съ судебнымъ порядкомъ („чинечи поступокъ правный") высаживаетъ „для розсудку жалобы" съ своей стороны людей добрыхъ сторонніхъ, а отвѣтчикъ—со своей. Эти-то „высажоные судьи" при участіи всей копы разсматриваютъ и разрѣшаютъ дѣло.

Такой порядокъ копнаго суда изображается далеко не во всѣхъ актахъ того времени. Но для насъ важно то, что онъ вообще допускается и даже разсматривается, какъ вполнѣ согласующійся съ обычаями судебнаго вѣча, которое—какъ и другіе суды—получаетъ значеніе и форму разбирательства третейскаго.

Наконецъ, была и еще одна общая причина, которая часто дѣлала необходимымъ участіе постороннихъ добрыхъ людей въ процессѣ копномъ: такіе добрые люди, являясь знатоками права, обычаевъ и копныхъ порядковъ, помогали судить, оцѣнивать и рѣшать дѣло. И въ этомъ отношеніи копные (вѣчевые) суды мало отличались отъ судовъ другихъ порядковъ и наименованій: добрые люди въ судѣ необходимы не только какъ замѣна письменности, не только какъ представители разнообразныхъ интересовъ, затрогиваемыхъ судомъ и приговоромъ, но и какъ важнѣйшіе помощники судьи, который самъ не можетъ дать никакого рѣшенія ни по всему иску, ни по какому бы то ни было частному вопросу судопроизводства.

Положеніе судьи теперь и прежде—двѣ вещи весьма различныя. Теперь судья примѣняетъ законъ уже готовый, данный, записанный и въ большинствѣ случаевъ разъясненный наукой. Въ старину такого закона не было; былъ обычай, часто неясный, малоизвѣстный, еще только создающійся и чрезвычайно разнообразный. Требовалось дать не только рѣшеніе по дѣлу, но найти

норму права, не только разсудить данный случай, но въ казуистической формѣ провозгласить общеобязательное положеніе— словомъ, „сказать правду“ и притомъ сказать такъ, чтобы она имѣла полный авторитетъ и у тяжущихся, и у цѣлой общины.

Но самъ судья этого сдѣлать не могъ, прежде всего не могъ de facto. Припомнимъ, напримѣръ, кто являлся судьей въ эпоху Русской Правды. Судилъ князь, его посадникъ или тіунъ. Но всѣ они едвали не въ большинствѣ случаевъ являлись лицами чужими для той общины, гдѣ отправлялся судъ. Князь объѣзжалъ свою землю и судилъ; однако онъ не зналъ и не могъ знать пошлины всѣхъ тѣхъ отдѣльныхъ пригородовъ, которые входили въ составъ его княжества, и это тѣмъ болѣе, что и для самой земли онъ очень часто являлся человѣкомъ чужимъ, пришлымъ. Посадниковъ и тіуновъ назначалъ князь изъ своихъ же мужей; и только въ Новгородѣ (да и то уже съ XIII в.) они по правилу избирались изъ числа мѣстныхъ уроженцевъ Новгорода. Всѣ эти судьи должны были судить горожанъ и пригорожанъ „по ихъ праву“ (Устав. Гр. Витебской земли 1503 г., Уст. Гр. Полоцкой земли 1511 г.). Но этого права они не знали, а потому—что же оставалось дѣлать? Конечно, судить съ участіемъ тѣхъ, кто обладалъ такимъ знаніемъ, т. е. мѣстныхъ представителей общины. Недаромъ же впослѣдствіи, даже при существованіи уже писанныхъ законовъ, когда назначался воевода въ новый и чужой городъ, то ему предписывалось о мѣстныхъ обычаяхъ разспрашивать мѣстныхъ же жителей. Въ наказной памяти воеводамъ Полоцкимъ 1563 года между прочимъ читаемъ:

„А управа давати Литовскимъ людемъ, шляхтамъ и буръмистромъ и земскимъ людемъ и земляномъ, бояромъ и воеводамъ, роспроса про здѣшніе всякіе обиходы, какъ у нихъ обычьи ведутца, да съ ихъ обычея сперва и судити и управы имъ въ городѣ давати“.

Что признавалось въ XVI в., тѣмъ болѣе должно было признаваться въ эпоху Русской Правды.

Въ какой степени всѣ эти соображенія могутъ относиться къ судамъ копнымъ?

Повидимому, разъ судитъ сама община или ея представи-

тели,—лучшихъ знатоковъ мѣстной пошлины негдѣ и незачѣмъ искать. Это, конечно, по существу вѣрно и неоспоримо. Но неоспоримо также и то, что копа въ своемъ полномъ составѣ слагалась изъ людей далеко не одинаковаго ума, опытности и знаній и что примѣненіе писаннаго закона, которое практиковалось въ позднѣйшія времена существованія судебнаго вѣча, могло затруднять копу не менѣе, чѣмъ примѣненіе обычая затрудняло другихъ судей. Въ составъ копы входили люди разнаго возраста, болѣе молодые и болѣе старые: „мы копляне вси отъ старшихъ и до молодшого, которыи есмо се зошли на копу“, „мы копляне вси отъ мала и до велика“, „мы вси копляне старцы“—вотъ выраженія, въ которыхъ характеризуются иногда различія возрастного и соціальнаго состава копы. Одни мужи впервые только выступали на копѣ, начинали только свою копную дѣятельность; другіе же на своемъ вѣку уже видывали виды, сотни разъ сходились на копы и „добре были свѣдоми копного порадку и права“.

Степень опытности и знаній копы, особенно немноголюдной, вполнѣ зависѣла отъ наличности и числа такихъ старцевъ или старыхъ копниковъ („старцы“, „мужы старые“, „starszy kopnicy“, „starszy mużowie“)[1]). Безъ старцевъ и самая многолюдная копа часто становилась бы втупикъ, не знала бы, что̀ дѣлать и предпринять, какъ разрѣшить возникшій спорный вопросъ, какъ отнестись къ тому или другому необычному происшествію; со старцами, напротивъ, большинство копы могло оставаться вполнѣ пассивнымъ, предоставляя имъ, этимъ почтеннымъ и опыт-

---

[1]) Слово „старецъ“ обозначаетъ человѣка не только старшаго возрастомъ, но и облеченнаго опредѣленной властью (староста московскаго государства). Объ этихъ „старцахъ“, „волостныхъ старцахъ“, „старцахъ волостій“ мы имѣемъ гораздо болѣе точныя свѣдѣнія, чѣмъ о „градскихъ старцахъ“ лѣтописи. Между прочимъ извѣстно, что волостные старцы были подчинены (въ XVI в.) намѣстникамъ частновладѣльческихъ имѣній, состояли въ селахъ (причемъ, если село по частямъ принадлежало нѣсколькимъ владѣльцамъ, то и старцевъ въ селѣ было нѣсколько), упоминались рядомъ съ десятниками и распоряжались войтами. Должность старца была временной (извѣстны „бывшіе старцы“) и т. д.

нымъ людямъ, давать то или другое рѣшеніе, тотъ или другой отвѣтъ, и своимъ присутствіемъ одобряя только то, что „оурядили боудоуть добрии моужи“.

Такіе добрые мужи входили въ составъ самой копы. Однако и это обстоятельство опять-таки не являлось чѣмъ-то безусловно необходимымъ. Если правительственный судья могъ совѣщаться и судить съ посторонними лицами, то почему бы не могла этого дѣлать копа? Почему бы копѣ или ея старцамъ не привлечь къ дѣлу постороннихъ опытныхъ лицъ, руководствуясь правиломъ: умъ—хорошо, два—лучше. Вѣдь такіе посторонніе засѣдатели дѣлу не повредятъ, такъ какъ въ концѣ-концовъ безъ санкціи копы ихъ приговоръ ничтоженъ; но самый судъ отъ этого можетъ выиграть и иногда значительно выиграть. И это, конечно, тѣмъ болѣе возможно, чѣмъ труднѣе, серьезнѣе и запутаннѣе дѣло, чѣмъ больше нужно для его разрѣшенія юридической опытности и знанія писаннаго права и чѣмъ сознательнѣе относится копа къ своимъ задачамъ и къ недостаточности собственныхъ силъ.

Мы знаемъ случаи, когда копа просто даже отказывается отъ самостоятельнаго рѣшенія дѣла и предоставляетъ его на усмотрѣніе высшей власти (напр. гродскаго или панскаго суда): „которые копляне, не могучи тому досыть вчинить, дали то до мене“, — заявляетъ Слонимскій намѣстникъ, постановляя свой приговоръ по одному дѣлу; „tedy kopa, nie chcąc onych sądzić, na samego iegomosci xiędza Glinskiego, archimandryty Kobrynskiego, iako pana ich, ten sąd włożyli“,—читаемъ въ другомъ актѣ копнаго суда позднѣйшаго времени (второй половины XVII в.). И это вполнѣ въ духѣ стараго процесса, который широко допускаетъ переносъ труднаго дѣла отъ одного судьи къ другому, имѣющему большій авторитетъ и обладающему большей опытностью и познаніями. А когда такое лицо являлось не высшимъ судьей, но просто присутствовало при судѣ или входило въ составъ суда (какъ старые копляне),—его положеніе здѣсь было совсѣмъ особенное и по тому авторитету, которымъ оно пользовалось, и по той роли, которую оно играло. Такъ, иногда именно къ постороннимъ людямъ, которые присутствуютъ на копѣ, сама она обращается съ просьбой разсудить дѣло („и

мы громада уся, здавшисе на сторону, о слушный судъ и декретъ просили есмо"); иногда же такая активная роль предоставляется старшимъ копникамъ, которые въ такихъ случаяхъ открываютъ копный судъ и объявляютъ дѣла, подлежащія обсужденію („gdy iuż starszy kopnicy sądy kopne obwołali, o co idzie komu"), дѣйствуютъ, какъ представители всей копы, руководятъ слѣдствіемъ и даютъ приговоръ („zebrali... ze dwunastu wsi mużów starych, wiary godnych, do sądzenia złoczyńcow"). Въ такихъ случаяхъ старые копляне могли выдѣляться и выдѣлялись изъ состава цѣлой копы, какъ особая коллегія, которая чрезвычайно близко соприкасалась съ тѣмъ, что позднѣе и въ другомъ мѣстѣ стало извѣстно подъ именемъ судныхъ мужей.

Вѣдь недаромъ же нѣкоторые ученые (напр. H. Siegel) и самый этотъ институтъ судныхъ мужей, извѣстныхъ на западѣ подъ названіемъ рахинбурговъ, приводятъ въ генетическую связь съ группой тѣхъ участниковъ народнаго собранія, творящаго судъ и расправу, къ которымъ сами стороны обращались за приговоромъ („dicite nobis legem"—L. S. LVII) и которые играли здѣсь наиболѣе активную роль[1]).

---

[1]) Р. П. ак. 21, кар. 85, тр. 67, кар. 7; Ивановъ, Описаніе госуд. Архива ст. д., прилож. № 1, стр. 201; Устав. Дв. Гр. 9, 10, 13; Псков. Гр. 12, 25, 26 50, 82, 83, 106; Новг. Гр. 21; Акты Ѳедотова-Чеховскаго, т. I, №№ 97, 101; т. II, №№ 116, 118, 132; Лит. С. 1588 г., IV, 6; IX, 7; Литов. Метрика, кн. суд. д. № 6, листъ 1; А. В. К. т. XVIII, № 240; №№ 428, 442; Иванишевъ, О др. сел. общинахъ, прилож. № 3; А. В. К. т. XVIII, № 34; №№ 67, 224, 299, 310, 428; №№ 268, 272, 275; №№ 213, 279, 285, 287; № 35; №№ 8, 29, 39, 44, 45, 240, 433; №№ 32, 36, 53, 274, 275, 302, 327, 345, 396; №№ 183—184, согласно съ Лит. Ст. 1588 г., IV, 9 и XI, 61; А. В. К. т. XVIII, № 68; № 440; А. Ю. и З. Р. т. I, № 232.

А. Ю. Б. т. I, № 103[1]; „поступокъ", „поступокъ правный"—выраженіе, часто употребляемое Лит. Ст. 1588 г., IV, 18, 41, 95, 96; XI, 22, 58; XIV, 4.—А. В. К. т. XVIII, №№ 173—174.

А. И. т. I, № 169; А. В. К. т. XVIII, № 139; №№ 246, 368, 431; А. З. Р. т. I, №№ 30, 174; А. В. К. т. XVIII, №№ 44, 63, 127, 128, 138, 139, 141, 149, 165, 180, 198, 431; Лит. Ст. 1588 г., XII, 14; А. В. К. т. XVIII, № 141; №№ 10, 356; № 340; № 246; №№ 224, 368, 431.

Итакъ, весьма многія соображенія процессуальнаго характера говорятъ въ пользу того, что притомные люди копы могли быть учрежденіемъ, аналогичнымъ учрежденію судныхъ мужей восточной Россіи. Въ этомъ отношеніи изученіе актовъ о копныхъ судахъ представляетъ для насъ весьма богатый и интересный матеріалъ, до настоящаго времени никѣмъ еще не разсмотрѣнный съ той точки зрѣнія, какая насъ интересуетъ. Обратимся же къ этому матеріалу и извлечемъ изъ него по возможности все, что относится къ предмету нашего изученія.

III.

Древнѣйшее упоминаніе о копѣ или судебномъ вѣчѣ содержитъ Русская Правда, хотя она самого слова копа, вѣче еще и не употребляетъ. Именно, Русская Правда говоритъ о той копѣ, которая гонитъ слѣдъ и судитъ по слѣду, и говоритъ о ней такъ: „а слѣдъ гонить съ чюжими людьми и съ послоухы".

Уже здѣсь сразу бросается въ глаза различіе въ средѣ тѣхъ, кто гонитъ слѣдъ,—чужіе люди и послухи. Что бы ни разумѣть подъ словомъ послухъ, ясно одно: погоня состоитъ изъ чужихъ людей и изъ людей нечужихъ, нечужихъ конечно для того, кто гонитъ слѣдъ, кто заинтересованъ въ гоненіи слѣда, кто собралъ самую копу для такого гоненія.

Такой двойственный составъ погони неоднократно отмѣчается и въ памятникахъ позднѣйшаго времени: менѣе ясно въ Литовскомъ Статутѣ, отчетливо во многихъ актахъ копнаго суда.

Литовскій Статутъ говоритъ между прочимъ, что слѣдъ гонятъ „люди сторонние копа", но при томъ присутствуетъ также возный съ нѣсколькими добрыми мужами, которые обозначаются словомъ „сторона" („возный и сторона, которые при томъ были").

Изъ Слонимскихъ актовъ XVI в. одинъ такъ описываетъ самый порядокъ гоненія слѣда: на поляхъ Ивачевскаго имѣнія украденъ хлѣбъ; Ивачевскій урядникъ беретъ вознаго съ двумя добрыми людьми шляхтичами, Иваномъ Суетой и Николаемъ За-

рубой, и собираетъ копу изъ „людей сторонніхъ суседовъ околичныхъ“; въ такомъ составѣ вся эта толпа людей, слѣдомъ за высыпавшимися зернами и соломой, приходитъ къ жилищу виновника кражи („оземшы шляхъ трушенья жита отъ тыхъ стиртъ, привели ажъ до дому Рафала Парфеновича“).

Затѣмъ и въ другихъ актахъ, описывающихъ гоненіе слѣда, постоянно указывается на двойственный составъ погони: чужіе, обчіе, сторонніе люди (obcy—чужой, посторонній, люди обчые—люди сторонъные, по Л. С. Т. IX, 17) и люди нечужіе, хотя употребленіе словъ чужой и нечужой далеко не всегда одно и то же. Такъ, одинъ изъ Луцкихъ актовъ XVI в. повѣствуетъ слѣдующее. Неизвѣстный злодѣй поджогъ одно строеніе п. Матыса Хорковскаго. Пожаръ случился въ началѣ ночи („у первоспы“) съ воскресенія на понедѣльникъ. Строеніе сгорѣло. Тогда потерпѣвшій, рано въ понедѣльникъ, собираетъ копу и гонитъ слѣдъ вмѣстѣ съ копой („люди добрые суседи околичные“), имѣя при себѣ „къ тому тежъ людей сторонъныхъ“ —сторонніхъ, очевидно, для копы, но не для истца: для него они (какъ увидимъ сейчасъ) люди спеціально на копу „упрошоные“, „выставленые“, „высажоные“; это его добрые люди, его помочники и пособники („маючи зъ собою на той копе помочниковъ своихъ немало“), и копа только съ своей точки зрѣнія говоритъ о нихъ, какъ о „стороныхъ людяхъ при томъ будучыхъ“.

Вообще, чужіе, сторонніе люди — выраженіе, мѣняющее смыслъ въ зависимости отъ того, кто его употребляетъ. Поэтому одни и тѣ же лица разъ называются чужими (сторонними), другой—напротивъ, нечужими. Это необходимо имѣть въ виду при чтеніи старыхъ актовъ и памятниковъ. Такъ, когда копа сама заявляетъ о своемъ судѣ (во многихъ копныхъ приговорахъ), она называетъ сторонними людьми всѣхъ, кто находится при ней, но въ составъ самой копы не входитъ. Напротивъ, когда о копѣ говоритъ законодатель, который становится на точку зрѣнія истца, то въ его устахъ сторонними людьми часто являются сами копники, потому что для истца сама копа иногда слагается изъ людей дѣйствительно гораздо менѣе близкихъ,

чѣмъ тѣ, какіе приходятъ вмѣстѣ съ нимъ на копу и состоятъ при ней. Въ этомъ смыслѣ и Литовскій Статутъ (подобно Русской Правдѣ) говоритъ иногда „люди сторонние копа вся“. Тоже заявляетъ возный, состоящій при истцѣ:

„На копе были люди сторонные“.—„Тая копа сами межи собою обмовившисе люди сторонные, которые вжо разъ четвертый на тую копу выходили, тыхъ, которые не вышли, виновали и увинили“.—„Tamże, przy zgromadzeniu ludzi postronnych na kopę, z tey wsi poddani... sami dobrowolnie przyznali się“.—„A tak ta kopa, zebranie, ludzie postronni... wszystkie szkody... na Hrudkowiczach y na urzędniku Hrudkowskim panu Stanisławie Hutowskim patrzać y dochodzić nakazali“.

Согласно съ этимъ и самая копа называется иногда „копой обчей“, т. е. чужой—очевидно потому, что слагается изъ людей чужихъ („mużowie obcy“) съ извѣстной точки зрѣнія. Но стоитъ только перемѣнить точку зрѣнія, и чужими окажутся совсѣмъ другіе люди. Поэтому случается, что одна часть копы называетъ другую людьми посторонними въ томъ смыслѣ, что это „подданые пановъ постороннихъ“ или „люди зъ разныхъ селъ постороннихъ“, которые однакоже „повинни на копе зъ нами становитисе“. Если принять во вниманіе разнообразіе состава копы (разныя улицы, села, имѣнія, волости, владѣнія и пр.), то легко представить себѣ разнообразіе значенія словъ „посторонные люди“.

Мы съ нашей точки зрѣнія интересуемся только сторонними людьми въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. сторонними не для той или другой части копы, а для всей копы, какъ собранія судебнаго вѣча. Потому для насъ послухи Русской Правды и будутъ тѣми лицами, о которыхъ сама копа говоритъ, какъ о людяхъ стороннихъ, и которыя сами о себѣ говорятъ только, что они „при томъ были“.

Видѣть въ этихъ лицахъ людей стороннихъ копа могла съ полнымъ правомъ: хотя присутствіе такихъ стороннихъ людей на копѣ считается вполнѣ нормальнымъ, но собственно въ составъ копы они не входятъ и на копу становиться не обязаны. Всякая копа состоитъ изъ точно опредѣленнаго круга людей, принадлежащихъ къ точно опредѣленной мѣстности: на

коповище сходятся всѣ, живущіе не далѣе одной мили отъ того мѣста, гдѣ оно находится. Подробныя расписанія копныхъ округовъ, офиціально составленныя въ концѣ XVI в., точно опредѣляютъ, кто именно обязанъ выходить на то или другое коповище. Копники знаютъ своихъ сотоварищей по копѣ и отличаютъ отъ нихъ тѣхъ „сторонніхъ“ для копы людей, которые, въ противоположность членамъ копы, при разбирательствѣ присутствовать не обязаны, пользуясь правомъ, по желанію, на одну и ту же копу то выходить, то не выходить: напримѣръ, громада, собранная въ селѣ Горбачевичахъ 21 Апрѣля 1660 г., копуетъ при нѣсколькихъ постороннихъ людяхъ, приглашенныхъ изъ селъ Пожоги, Жидча и Комора; та же громада черезъ недѣлю (28 Апрѣля) разбираетъ другое дѣло, при чемъ мѣняются уже и сторонніе люди (изъ с. Пожоги нѣтъ ни одного).

Отсюда возникаетъ возможность и такихъ разговоровъ. Собирается копа обычныхъ копниковъ, „а къ тому и сторонніхъ людей“. Нѣкто Несторъ, лицо заинтересованное въ томъ, чтобы сорвать копу, и уже разъ совершившее это, сперва на копу не выходитъ, а потомъ наконецъ является по настойчивому вызову отъ копы и явно ищетъ повода объявить ее незаконной. Съ этой цѣлью свое вступленіе на вѣче онъ начинаетъ съ вопроса, обращеннаго къ стороннимъ людямъ, которые при томъ присутствуютъ: вы для чего сюда явились? кто васъ сюда прислалъ? И тѣ сторонніе люди отвѣчаютъ: мы присланы сюда нашими урядниками по просьбѣ истца, боярина паньи Богуринской. Такой отвѣтъ прекращаетъ всякіе разговоры на эту тему: въ ссылкѣ на просьбу истца заключается полное оправданіе и легализированіе факта присутствія на копѣ постороннихъ добрыхъ людей. Въ такой формѣ присутствіе это очевидно ни въ чемъ не нарушаетъ стародавняго обычая и копнаго права. А что таковы были обычаи и копное право—мы не можемъ сомнѣваться въ виду прямыхъ указаній другихъ актовъ копнаго суда: упоминая о сторонніхъ людяхъ, бывшихъ при томъ или другомъ дѣлѣ, копные акты часто объясняютъ присутствіе такихъ людей именно ссылками на старый обычай.

„Мы и зъ людьми сторонными, водле звычаю давного, на

копу становили се".—„Я, Дмитръ Андреевичъ Пожарыйский, возный воеводства Меньского, сознаваю тымъ моимъ квитомъ, ижъ будучи мне вызваным отъ пана Цезара... на копу для прыслуханья суду копного водлугъ старого звычаю, то такъ я возный, маючы пры собе стороною людей добрыхъ, двухъ шляхтичовъ (такихъ-то), былъ есми на копе стародавна звыклой".—„Pan Rżążewski z małżąką swą (истцы, выступающіе на третьей копѣ) zwyczaynem sposobem przy mnie generale y stronie przy mnie będącey o szkodzie swey opyt czynili y o szkodzie swey pytali".—„О которую шкоду свою на завтрее рано, яко звычай, громаду... и мене енерала и людей посторонныхъ не мало (такихъ-то) упросили и звычайнымъ копнымъ способомъ доходити почали".

Итакъ, присутствіе на копѣ притомныхъ людей — явленіе весьма старинное и вполнѣ согласное съ установившимися обычаями. Посмотримъ же, что собственно представляютъ изъ себя эти сторонніе, притомные люди копы.

Чаще всего встрѣчаемъ мы на копѣ вознаго (вижа, генерала) съ нѣсколькими добрыми сторонними людьми[1]). Это обозначается: „при томъ былъ возный со стороной добрыхъ людей такихъ-то". Выраженіе „сторона добрыхъ людей" (иногда „сторона и добрые люди", т. е. сторонніе и добрые люди) весьма распространенное и употребительное. Въ этомъ выраженіи заключается двоякое указаніе: одно то, что сторона добрыхъ людей есть въ сущности сторонніе добрые люди (отсюда замѣна словъ „сторона люди добрые" словами „сторона людей обчихъ" или просто „люди сторонные"), другое то, что сторона добрыхъ людей есть присутствіе ихъ при комъ-то, съ чьей-то стороны, по чьему-то приглашенію и вызову. Послѣднее иногда отмѣчается особымъ оборотомъ рѣчи: говорится „моя сторона, сторона того истого или отпорного, сторона вознаго, копная сторона".

Что же это за особая коллегія притомныхъ людей копы?— Это обычная группа судныхъ мужей, съ которой можно встрѣтиться во всякомъ судѣ Руси Литовской того времени. Возный со стороной на судѣ имѣетъ совершенно такое же значеніе

---

[1]) Какъ человѣкъ, имѣющій осѣдлость и являющійся жителемъ даннаго округа, возный могъ входить въ составъ мѣстной копы. Но тогда онъ былъ уже копникомъ, а не притомнымъ мужемъ.

и играетъ совершенно такую же роль, какъ цѣловальникъ съ судными мужами процесса восточной Россіи. И самъ возный во многомъ напоминаетъ цѣловальника (терминъ, которому по формѣ соотвѣтствуетъ слово „присяжникъ“, изрѣдка попадающееся въ актахъ Луцкаго суда). Объ урядѣ вознаго, его правахъ и обязанностяхъ подробно говоритъ Литовскій Статутъ. Мы здѣсь этого пока касаться не будемъ. Замѣтимъ только, что въ число обязанностей вознаго входитъ „на право часу чиненья справедливости ездити“ (т. е. быть въ судѣ при разбирательствѣ дѣлъ), при чемъ онъ долженъ „завъжды при собе меть двухъ шляхътичовъ веры годныхъ“ (исключая точно указанныхъ дѣлъ меньшей важности).

Что же дѣлаетъ возный со стороной на правѣ?

Литовскій Статутъ объ этомъ говоритъ неоднократно. Классическое постановленіе содержится въ артикулѣ 53 четвертаго раздѣла ред. 1588 г. Здѣсь, въ этомъ постановленіи, по нашему мнѣнію нужно искать судныхъ мужей литовско-русскаго процесса, а не въ „панахъ земянахъ присяжныхъ“ ред. 1529 г. Установившееся въ литературѣ мнѣніе (Н. П. Загоскинъ, Любавскій и др.—всѣ, кто касался этого вопроса), которое сопоставляетъ „присяжныхъ земянъ“ рядомъ съ цѣловальниками Судебниковъ, совершенно ошибочно: Статутъ 1529 г. говоритъ не о судныхъ мужахъ, а создаетъ *правительственный* составъ замковаго суда, болѣе подробно описанный въ соотвѣтствующихъ постановленіяхъ Статута 1566 г. и Статута 1588 г. Между тѣмъ какъ указанный нами артикулъ говоритъ слѣдующее:

„Хотечы мы господаръ то мети, абы на врядехъ нашихъ господарскихъ у суду земъского и кгродского порядокъ и скромность з учтивостью пристойною захована была, уставуемъ, ижъ кождая особа якогожъ кольвекъ стану достоенъства до того дому албо избы, где на судехъ вряды наши земскій албо кгродскій засядутъ, немаетъ передъ судъ приходити и упорне ся тиснути, ажъ кого з рейсту до справы заключутъ, и то нежадною тижбою людей до тое избы судовое входити маетъ, только наболей самъ осмъ, то естъ самъ с прокураторомъ а зъ шестьма приятелъ шляхътичами... А ижъ стороне позволено шестма шляхътичами прыходити до суду с тое причины, где бы се стороне ближенье отъ вряду деело або чого в контроверсыи

и въ декрете недоложыли, абы укривжоной пры сознанью возного свѣдецьствомъ тыхъ шести шляхтичовъ и присегою своею справы своее доводилъ, а урадъ возного до прыслуханья справы и оповеданья всякого и противко собе самому не маеть стороне боронить, а хотябы возного противъ себе нѣ прыдали, тогды уже сторона пры сознанью тыхъ шляхтичовъ присегою своею урядъ перѣконаеть ку поднесенью и знову слуханью тое справы з стороною у того суду, до которого будетъ водле права позвано".

Въ этомъ подробномъ, ясномъ, превосходномъ описаніи отмѣчены весьма важныя черты стараго литовско-русскаго процесса.

Мы видимъ въ судѣ вознаго, хотя о немъ упомянуто вскользь, очевидно, потому что его присутствіе здѣсь считается нормальнымъ для всякаго процесса, что̀ совершенно понятно въ виду категорическаго предписанія Статута:

„Завъжды черъгою два або три возные при суде кгродъскомъ мешкати будуть повинъни для вшелякихъ припалыхъ потребъ".

При возномъ находятся въ опредѣленномъ числѣ пріятели сторонъ. Впрочемъ, какъ возный, такъ и пріятели только могутъ присутствовать при разбирательствѣ дѣла, но это вовсе не обязательно. Возный съ пріятелями той или другой стороны наблюдаетъ за судомъ и предупреждаетъ тѣ кривды („укривжоный"), какія можетъ допустить урядъ, разрѣшающій тяжбу. Свидѣтельство вознаго и пріятелей устанавливаетъ подлинность отдѣльныхъ актовъ судопроизводства въ томъ видѣ, какъ они изображаются заинтересованной стороной, которая считаетъ, что къ ней отнеслись несправедливо, и желаетъ жаловаться на незаконность урядоваго суда.

Въ дѣлахъ литовско-русскихъ судовъ эта нормальная коллегія судныхъ мужей часто называется „сторонними людьми", „стороной добрыхъ людей", которые „при томъ были",—или просто „судьями". Они принимаютъ въ процессѣ самое дѣятельное участіе. Безъ этихъ добрыхъ людей не проходитъ ни одинъ актъ процесса и самый приговоръ постановляется по совѣщанію и отъ лица не только судьи, но и находящихся при томъ людей (обычное выраженіе приговоровъ: „ямъ, судья, съ тыми людми сторонными въ томъ добре обмыслывши и порозумевши, знаходили есьмо и знашли" такое-то рѣшеніе для дѣла).

О томъ, что добрые люди принимаютъ участіе въ постановленіи приговора, говоритъ и Литовскій Статутъ. Но въ приведенномъ артикулѣ это не отмѣчено. Тѣмъ не менѣе когда законодатель примѣнилъ этотъ артикулъ къ вновь организованному высшему суду и именно рѣшилъ ограничить въ немъ права участія земскихъ добрыхъ людей, онъ далъ на этотъ счетъ категорическія предписанія—именно, въ учрежденіи Главнаго Литовскаго Трибунала читаемъ:

„Передъ который то судъ особа жадная которого же колвекъ стану и заволаня, которая бы акцеи правной не мѣла, входити не маеть, аже кого зъ рейстру заволаютъ, до справы своей приступати и до кгмаху входити не маеть, толко самочвартѣ наибольшей входити маеть, то есть самъ съ прокураторомъ а два пріатели.., и такъ маеть при вотованю, абы жаденъ не зосталъ опрочь тыхъ, которие до того суду присягли".

Итакъ, на копѣ нормальной коллегіей притомныхъ людей является возный со своей стороной. Составъ и дѣятельность этой коллегіи отмѣчена совершенно такими же чертами, какъ и въ другихъ судахъ. Поэтому полное описаніе ея (въ частности характеристику качествъ и соціальнаго положенія добрыхъ людей стороны) можно дать только при совмѣстномъ изученіи дѣлъ разныхъ судовъ и учрежденій. Здѣсь мы этого пока касаться не будемъ. Отмѣтимъ только черты, на которыя болѣе или менѣе часто указываютъ копные акты.

Присутствіе на копѣ вознаго со стороной добрыхъ людей встрѣчается очень часто. Но оно не является безусловно необходимымъ предположеніемъ копнаго суда. Копа можетъ судить безъ вознаго: это разрѣшаетъ и Литовскій Статутъ (при потравѣ копа дѣйствуетъ „с людми сторонними або можетъ ли быти и з возныимъ"), это отмѣчаютъ и судебные акты („маючы пры собе стороною людей добрыхъ, въ недостатку вознаго, такихъ-то"). Присутствіе стороннихъ людей также не обязательно; возный можетъ быть и безъ стороны; копа можетъ обойтись безъ чужихъ людей такъ же, какъ и безъ вознаго. Въ частности сторона при возномъ можетъ отсутствовать, когда разсматриваются дѣла меньшей важности:

„Хлопъские бои, раны, испашы вшелякие и иные шкоды тымъ

подобные меншые, о што честью, горѣломъ и розълитьемъ крви, и везеньемъ, и выволаньемъ не карають, и што бы большей двадцати коп грошей не выносило, возный самъ одинъ и безъ стороны шляхты огледати можеть".

Составъ стороны вознаго непостояненъ. Мѣняются лица, входящія въ нее, измѣняется и число ихъ. При разныхъ дѣлахъ фигурируютъ разные добрые люди и даже въ теченіе одного и того же судебнаго разбирательства нерѣдко сторона мѣняется, при однихъ актахъ судопроизводства появляются одни добрые люди, при другихъ—другіе: такъ, серьезное дѣло о поджогѣ гумна и дома и о покражѣ разныхъ вещей разсматривается въ теченіе нѣсколькихъ дней (7, 8, 9 и 29 Октября 1582 г.), и каждый разъ сторона вознаго мѣняется, хотя нѣкоторыя лица въ ней и остаются во все время суда.

По числу добрыхъ людей сторона вознаго чаще всего слагается, кромѣ самого вознаго, изъ двухъ человѣкъ шляхтичей или людей „простого стану". Но въ зависимости отъ важности дѣла и знатности (важности) заинтересованныхъ лицъ это число можетъ значительно увеличиваться: появляются одновременно два-три возныхъ при трехъ, четырехъ, пяти и болѣе сторонникъ добрыхъ людяхъ. Въ только что названномъ дѣлѣ о поджогѣ и кражѣ на копѣ 7-го Октября названо 10 притомныхъ людей („передъ вели устивыми людьми [illegible] шляхтою, которые на тотъ часъ при мъне возномъ на той копе были, то [illegible] есть такими-то"); на копѣ 29 Октября, которая закончилась смертнымъ приговоромъ и повѣшеніемъ преступника, это число возрастает[illegible]ъ еще болѣе, достигая почтенной цыфры 14-ти человѣкъ („а при томъ же возномъ на тотъ часъ на праве были сторона и люди добрые такіе-то"). Впрочемъ считать сторону и относить къ ней тѣхъ или другихъ лицъ слѣдуетъ съ осторожностью, такъ какъ судебные акты выражаются не всегда достаточно ясно. Напримѣръ, въ одномъ дѣлѣ возный заявляетъ, что при немъ были „сторона люди добрые" два шляхтича такіе-то, и войтъ такой-то, и еще пан такіе-то и много другихъ добрыхъ сосѣдей. Изъ такого перечисленія вовсе и не видно, что въ дѣйствительности „сторона добрыхъ людей"—это только два шляхтича, названные въ началѣ

(„звышъ мененые два шляхтичи)“, а остальные являются просто членами копы.

Добрые люди, составляющіе сторону вознаго, называются пріятелями истца или отвѣтчика: напр., при возномъ Александрѣ Лозовицкомъ по дѣлу Яроша Костюшка Сехновицкаго состоятъ стороной два шляхтича, „прыятели“ пана Яроша, п. Василій Воротыницкій и п. Стефанъ Марковскій. Поэтому истецъ (отвѣтчикъ) сторону вознаго называетъ своей стороной („моя сторона“). Но, во-первыхъ, не слѣдуетъ придавать слишкомъ узкаго значенія слову пріятель; а, во-вторыхъ, не слѣдуетъ думать, что помимо пріятелей другія лица въ составъ стороны входить не могли.

Тѣсное значеніе слова пріятель—это родственникъ (подобно Freund древне-германскаго права). Въ этомъ значеніи говоритъ о пріятеляхъ неоднократно Литовскій Статутъ, замѣняя слово „повинъный“ (родственникъ) словомъ „прыятель“ и обозначая старшихъ родственниковъ выраженіемъ „старшые приятели дому“. Но такое тѣсное значеніе слово пріятель имѣетъ сравнительно рѣдко. Гораздо чаще пріятелями называютъ не только родственниковъ, но и другихъ близкихъ лицъ; потому различаютъ „прыятелей повинъныхъ и неповинныхъ“, „приятелей кровъныхъ и заховалыхъ“. Въ этомъ значеніи слова пріятель и непріятель получаютъ вполнѣ современный смыслъ:

„Суседъ нашъ Федоръ Кужель, коли намъ не былъ приятелемъ и у насъ не бывалъ, то намъ и шкоды не бывало, але коли намъ теперь зосталъ приятелемъ и почалъ у насъ частей бывать, тогды намъ и шкода се почела становить“.—„Который то Сечка, будучы мнѣ великимъ неприятелемъ, отъ часу давного, мешкаючы первей со мною в суседстве, неоодноkроть торгалсе на учьстивость мою шляхецкую“.—„Не ведаю хто злый непріятель мой, подышодши обычаемъ ночнымъ, домъ мой огнемъ запалилъ“.

Поэтому и въ актахъ когда называются пріятели, то въ ихъ средѣ мы встрѣчаемъ не только родственниковъ, но и лицъ постороннихъ, друзей,—и иногда только этихъ послѣднихъ. Поэтому и въ тѣхъ случаяхъ, когда стороной при возномъ являются пріятели истца (отвѣтчика), это чаще всего не родственники, а именно друзья того или другого, односельчане или сосѣди, съ которыми поддерживаются пріятельскія отношенія.

Но сторона вознаго составляется не только изъ пріятелей истца или отвѣтчика; часто такой стороной являются лица дѣйствительно вполнѣ постороннія. Это возможно какъ потому, что возный со стороной призывается въ судъ не только по желанію истца или отвѣтчика, такъ и потому, что самыя условія призыва въ судъ земскихъ добрыхъ людей часто ставятся въ зависимость отъ вполнѣ случайныхъ обстоятельствъ.

Сторонніе люди призываются на копу не только по желанію истца (отвѣтчика). Копа и въ этомъ отношеніи ничѣмъ отъ другихъ судовъ не отличается: добрые люди являются въ судъ отъ лица того, кто заинтересованъ правильнымъ разрѣшеніемъ дѣла и сообщеніемъ устойчивости (непоколебимости) приговору. Поэтому сторона добрыхъ людей является также по призыву отъ всей копы (или какой-нибудь ея части), отъ третьихъ лицъ, интересы которыхъ затрогиваются разбираемымъ дѣломъ, и иногда, повидимому, отъ вознаго, который, съ одной стороны, обязанъ являться по первому требованію „ни чимъ се невымовляючи“, а съ другой—обязанъ во всѣхъ болѣе важныхъ случаяхъ имѣть при себѣ сторону, хотя-бы объ этомъ и не позаботилось лицо, вызвавшее вознаго (отсюда въ нѣкоторыхъ случаяхъ неизмѣнность стороны при одномъ и томъ же возномъ, напр. Янъ Лучицкій, генералъ Пинскаго повѣта, постоянно имѣетъ въ составѣ стороны однихъ и тѣхъ же лицъ при самыхъ различныхъ дѣлахъ 1647, 1648 и 1650 гг.)[1]).

Самый призывъ такой стороны осуществляется тѣмъ, кто ее желаетъ имѣть на судѣ. Это лицо „проситъ“, „беретъ“, „уживаетъ“, „вызываетъ“, „способляетъ“ свою сторону. Конечно, съ такой просьбой или вызовомъ оно обращается къ постороннимъ людямъ и именно къ тѣмъ, кто сподручнѣе, кого легче достать, на кого скорѣе можно положиться, за кѣмъ нечего далеко ходить и кого нетрудно отыскать. Потому сторона берется не только

---

[1]) Позднѣе, во второй половинѣ XVIII в., при измѣнившихся уже условіяхъ процесса въ Малороссіи установилось правило: сторону назначать сотеннымъ правленіямъ изъ козаковъ, если только этого потребуютъ заинтересованные возные.

изъ пріятелей, но и изъ случайно присутствующихъ сосѣдей, гостей, постороннихъ лицъ, проѣзжихъ купцовъ и т. д. Напримѣръ, въ одномъ случаѣ вотъ какъ описывается приглашеніе стороны на копу. Въ 1592 г. 23 Октября Слуцкіе купцы, Кузьма Радіоновичъ и Омельянъ Ольховикъ, проѣздомъ съ товарами остановились въ селѣ Смиловичахъ. Они были въ домѣ Параньи Ермолиной, откуда пошли было „до будокъ и до товаровъ своихъ". Въ это время къ будкамъ подошли смиловскіе подданные пана Андрея Завиши и обратились къ купцамъ съ просьбой быть отъ нихъ стороною на копѣ („абы мы на копу стороною, яко люди учстивые, пошли"), которая какъ разъ въ это время созывалась по дѣлу о кражѣ клѣти у подданнаго Драчковскаго. Купцы согласились.

Такимъ образомъ возникала возможность вполнѣ случайнаго состава стороны и даже возможность ея полнаго отсутствія. Одинъ разъ въ мѣстѣ суда „не лучилося туто никого" („жадного человека доброго не было"), и потому дѣло прошло и вовсе безъ постороннихъ людей; другой разъ, напротивъ, „панъ Богъ здарить рачилъ не мало людей зацныхъ", и потому судъ состоялся въ присутствіи многочисленной стороны.

При всемъ томъ извѣстное постоянство присутствія и состава стороны замѣчается нерѣдко. Чаще всего вознаго со стороной призываетъ истецъ, какъ наиболѣе заинтересованное лицо; а затѣмъ у одного и того же истца замѣчается наклонность имѣть одну и ту же сторону, составъ которой мало измѣняется, даже если идутъ различныя дѣла этого истца, разрѣшаемыя разными судами и въ различное время (напр. въ 1625 и въ 1629 году): отъ Яроша Костюшка Сехновицкаго стороной выступаетъ Василій Ивановичъ Воротыницкій; отъ Григорія Васильевича, урядника Лососинскаго,—осочники Лысковскіе, Степанъ и Федоръ; отъ Ивана Семеновича Верещаки—Авдей Ивановичъ Буховецкій, братья Воротыницкіе, Жданъ Прилуцкій и т. д. Напротивъ, на одной и той же копѣ, въ одно и то же время, при одномъ и томъ же возномъ сторона мѣняется, если мѣняются лица призывающія вознаго для свидѣтельства.

Постоянство въ составѣ стороны легко объясняется посто-

янствомъ и устойчивостью сосѣдскихъ и пріятельскихъ отношеній, естественно служившихъ той почвой, на которой основывалось и пособничество судебное.

Возный со стороной добрыхъ людей исполняетъ на судѣ многообразныя функціи. Имѣя въ виду полноту предоставленныхъ имъ правъ, мы вообще можемъ сказать, что возный со стороною или замѣняющая его сторона дѣйствуютъ на копѣ, какъ вполнѣ полноправные судные мужи процесса. Это выражается внѣшнимъ образомъ, во-первыхъ, въ ихъ положеніи: возный со стороной засѣдаетъ на одной скамейкѣ со старѣйшинами (старцами) копы (старцы „вчынили порадокъ водлугъ обычаю и права своего копного и, заседшы въ лаве со мною возным и стороною людми добрыми“ приступили къ слѣдствію,—повѣствуетъ одинъ изъ Минскихъ копныхъ приговоровъ). Отсюда и выраженія: „осадившы людей сторонныхъ“, „людей добрыхъ на судъ засадившы“, „свою сторону для чиненья справедливости высадилъ“, „обедве стороне судей вжо на местцахъ своихъ засели“, „возный со стороной, высажоный на осуженье справы“. Во-вторыхъ, это выражается и въ формѣ предъявленія жалобы (иска): „Пане возный, и стороно шляхта, и панове мужеве вси копъники! Яко есми передъ вами на першой горачой копе и на другой жалобу и опытъ чинилъ, такъ и теперь вамъ се жалую“,—говоритъ истецъ, выступая передъ собраніемъ. Въ-третьихъ, наконецъ, внѣшнимъ образомъ это выражается и во множествѣ второстепенныхъ описаній и формулъ копныхъ актовъ: хотя возный со стороной собственно къ составу копы не причисляется („судьи копные“—одно, „возные, которые при томъ были“—другое), тѣмъ не менѣе и копа, и притомные люди часто изображаются, какъ одно цѣлое—именно при перечисленіяхъ состава собранія, при исполненіи отдѣльныхъ порученій копы (когда она „między sobą“ выбираетъ и „съ посродку себе“ посылаетъ вознаго и мужей), при подписи копныхъ декретовъ и т. д.

Цѣль призыва вознаго со стороной на копу всегда объясняется словами: „для *прислуханья* копы и *выведанья* на той копе о шкоднику“, или же болѣе короткой и обычной (шаблон-

ной) формулой: „ку прислуханью справы“, „ку выслуханью копы“, „dla przysłuchania kopy“. Но послѣдняя краткая формула не обозначаетъ непремѣнно, что возный со стороной, призванные „ку прислуханью копы“, только этимъ и занимались и имѣли значеніе только свидѣтелей суда. Часто тотъ, кто говорилъ о себѣ, какъ о такомъ свидѣтелѣ („to, co widzieli y słyszeli, zeznawamy prawdziwie“), въ дѣйствительности не только свидѣтельствовалъ судъ, но и самъ дѣйствовалъ на немъ и судилъ. Поэтому вѣрнѣе было иногда заявленіе тѣхъ возныхъ, которые говорили:

„А такъ я енералъ и съ стороною шляхтою, штомъ на тотъ часъ слышалъ и справовалъ съ стороною шляхтою при мне будучою, ку записанью до книгъ кгродскихъ подаю“.

Дѣйствительно, по своимъ функціямъ возный со стороной добрыхъ людей на копѣ являются вполнѣ въ той роли, какая принадлежитъ имъ, какъ судныимъ мужамъ. Потому иногда они просто называются „паны судьями людьми добрыми сторонными“. Какъ судьи, возный со стороной добрыхъ людей принимаютъ самое дѣятельное участіе во всѣхъ актахъ копнаго процесса. Въ частности они исполняютъ порученія копы и сторонъ (производство осмотровъ, освидѣтельствованій и допросовъ не на мѣстѣ копы) и допрашиваютъ во время самого копнаго слѣдствія:

„Пытали есмо я возный и тая сторона шляхта того детину резаного и иншихъ пастуховъ, хто того детину резалъ?“—„ Y gdy kopa zebrała na miejsce zwykłe, u mogiłek Artiszowych, gdzie ia ienerał z stroną szlachtą pytałem mużow wszytkiey kopy każdego siola, iesli kto słyszał, abo widział o te pokradzienie?“—„Tedy będąc ia (енералъ) przytomnym, a z umysłu użytym od wysz mianowanego oyca ihumena, pytałem mużow tak przyczyny zebrania, iako urząd moy niesie, iako y przez kogo szkoda stała monasterowi?“

Они же судятъ, рѣшаютъ дѣло и даютъ приговоръ — и это не только на копахъ упрощеннаго состава и дѣятельности (напр. при потравахъ), гдѣ возному со стороной принадлежитъ обыкновенно главная роль, но и на другихъ копахъ, разрѣшающихъ самыя сложныя и разнообразныя дѣла.

„Копа зъ возныимъ и стороною, вложивши его у вину, шкоду подданому пана моего всказали за клячу две копе грошей литовскихъ“.

—„Которые копляне зо мною вознымъ во всей той шкоде, въ покраденью коней пана Руденского и малжонъки его милости, нашли виннымъ быть наймита дворного Станислава Талька, на име Калюту".—„Который дей возный з стороною шляхтою шкоды огледалъ и следу свежого конского и две коне грики спаши мне присудили, а кони имъ отдать казали".—„Вся тая купа и сторона за шкоды копъ шесть грошей на нимъ Богдану пану Свиде присудили".

Они, наконецъ, подписываютъ и сознаютъ въ урядѣ копные декреты и, при извѣстныхъ условіяхъ, получаютъ даже пересудъ:

„Купа и сторона присудили и, пересудъ взявши, половицу на копу и сторону поделили, а половицу на врадъ отдали".

Эти всѣ факты очерчиваютъ юридическое положеніе судныхъ мужей копы, указываютъ предѣлы ихъ правъ и обязанностей. Но въ дѣйствительности очень часто возный со стороной собственно въ самый судъ не вмѣшивался, а ограничивался только тѣмъ, что присутствовалъ при всѣхъ его актахъ, свидѣтельствовалъ ихъ и потомъ сознавалъ объ этомъ въ урядѣ. Фактически едвали не въ большинствѣ случаевъ этимъ именно его роль и ограничивалась. И это вполнѣ понятно, если принять во вниманіе сравнительно позднюю эпоху, отъ которой сохранились свидѣтельства о копныхъ судахъ. Въ это время другіе суды (земскіе, гродскіе) имѣли своихъ писарей, вели собственныя книги и могли обходиться вовсе безъ судныхъ мужей; но на копѣ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда она сама разрѣшала дѣло безо всякой посторонней помощи, присутствіе вознаго со стороной вызывалось неизбѣжной потребностью внѣшняго закрѣпленія всего происходившаго, такъ какъ копа не имѣла своихъ писцовъ и никакихъ книгъ не вела. Отсюда вытекала и нѣкоторая спеціализація въ дѣятельности вознаго со стороной, какъ особой категоріи притомныхъ людей копы. Специализироваться же въ роли свидѣтелей копнаго суда было тѣмъ удобнѣе, что въ другихъ случаяхъ возный очень часто для свидѣтельства именно и призывался, для свидѣтельства же, можно сказать, этотъ урядъ былъ и созданъ, и приспособленъ. Къ тому же и при другихъ судахъ дѣятельность судныхъ мужей, какъ свидѣтелей суда, съ теченіемъ времени (къ концу XVI в. и позднѣе) все болѣе и болѣе получаетъ преобладающее значеніе. Исторія участія земскихъ добрыхъ людей въ старыхъ судахъ

именно и характеризуется не только постепеннымъ вытѣсненіемъ ихъ изъ судовъ главныхъ и центральныхъ въ мѣстные и низшіе (гдѣ они дожили до нашего почти времени), но и постепеннымъ сокращеніемъ ихъ судебныхъ правъ и функцій, такъ что въ XVII и XVIII вв. мы часто имѣемъ дѣло съ понятыми тамъ, гдѣ въ старину „ятцы“ или „нятые мужи“ судили, и, наоборотъ, судные мужи XIV в. въ XVIII столѣтіи при тождественныхъ условіяхъ функціонируютъ уже, какъ понятые [1]).

---

[1]) Р. П. кар. 88; Лит. Ст. 1566 г. XIV, 6; Лит. С. 1588 г., XIV, 9; А. В. К. т. XVIII, №№ 112, 280; №№ 114, 116, 132, 143, 166, 202, 203, 206, 212, 216; Иванишевъ, О др. сел. общинахъ, прилож. № 3; А. В. К. т. XVIII, №№ 47, 112, 199, 203, 269, 279, 336, 350; №№ 245, 310; Лит. Ст. 1588 г., IX, 17; А. В. К. т. XVIII, №№ 299, 328, 413; №№ 44, 387; Лит. С. 1588 г., XIV, 9; А. В. К. т. XVIII, №№ 95—109; №№ 344, 346; Иванишевъ, у. с. прилож. № 2; А. В. К. т. XVIII, №№ 128, 137, 301, 344.

А. В. К. т. XVIII, №№ 95, 102, 109; Лит. С. 1588 г., XIV, 5; А. В. К. т. XVIII, №№ 82, 173, 244; Иванишевъ, у. с. прилож. №№ 2, 3; А. В. К. т. XVIII, №№ 183—186; Лит. С. 1588 г., IV, 9; Лит. С. 1529 г., VI, 3; Лит. С. 1588 г., IV, 53 и IV, 8; Конституціи Варшавскаго Сейма 1578 г., арт. 8; Лит. С. 1588 г., XIII, 2; А. В. К. т. XVIII, № 127; Лит. С. 1588 г., IV, 9; А. В. К. т. XVIII, №№ 29, 39, 240: №№ 67, 69; №№ 92, 288, 303, 304, 306, 324, 354, 356, 428; № 172; №№ 249—251; №№ 155, 183—186; Лит. С. 1588 г., XI, 21, 28 и IV, 49; V, 22; XIV, 30; Лит. Ст. 1588 г., VI, 11; Лит. С. 1588 г. IV, 1; V, 22: VI, 4; А. В. К. т. XVIII, №№ 43, 242, 285; Лит. С. 1588 г., IV, 9; А. В. К. т. XVIII, №№ 304, 306, 328—329; №№ 67, 141, 153, 174, 180, 193, 205, 216, 244, 426, 428; Иванишевъ, у. с. прилож. № 3; А. В. К. т. XVIII, №№ 61, 63, 66, 69, 86, 117, 134, 151, 174, 193, 217, 244, 249, 279, 299, 311, 318, 336, 338; №№ 48, 81, 129, 144, 200, 251, 288; №№ 249—251, 279, 288, 318, 413, 428, 430; Арх. Мал. Кол. №№ 3364, 8821 (по указ. г. Миллера); Лихачевъ, Правыя грамоты, № 9; А. В. К. т. XVIII, №270; №№ 33, 40, 47, 49, 53, 55, 66, 86, 90, 91, 112, 132, 166, 212, 280, 282, 304, 306, 332; №№ 40, 67 и 69, 173 и 174, 258—261, 251 и 262, 304—307, 249—251; №№ 63, 141, 152, 173, 224, 306; Иванишевъ, у. с. прилож. № 5; А. В. К. т. XVIII, №№ 345, 392, 396, 440, 441; №№ 232, 318; № 441; № 190; №№ 304, 433; № 374; №№ 173 и 174; №№ 52, 67, 91, 132, 180, 191, 232, 332, 423; Иванишевъ, у. с. прилож. № 5; А. В.

IV.

Возный со своей стороной составляютъ группу притомныхъ людей, которая чаще всего появляется при копномъ разбирательствѣ. Но одной такой группой всѣ притомные люди не исчерпываются и не въ ней одной выражаются всѣ формы участія земскихъ добрыхъ людей въ судебномъ вѣчѣ.

Мы уже знаемъ, что вознаго на копѣ можетъ и не быть, если его замѣняютъ добрые сторонніе люди. Мы знаемъ также, что возный и сторона могутъ быть вызваны отъ многихъ лицъ, интересы которыхъ затрогиваются процессомъ. Наконецъ, возный и сторона могутъ мѣняться въ различные моменты процесса, а добрые люди стороны могутъ принимать различное участіе въ судебномъ разбирательствѣ: одни—судить вмѣстѣ съ копой, другіе—помогать и „подпирать“ вознаго въ его свидѣтельской дѣятельности, третьи—фигурировать въ качествѣ „высажоныхъ“ третейскихъ судей. Словомъ, каждая изъ задачъ, для которыхъ призваны притомные люди, можетъ исполняться различными сторонними мужами. Какъ нѣтъ необходимости, чтобы въ теченіе всего процесса оставались одни и тѣ же притомные люди, такъ нѣтъ необходимости и въ томъ, чтобы каждый мужъ полностью исполнялъ все, что можетъ исполнять притомный человѣкъ. Эти оба обстоятельства тѣсно связаны другъ съ другомъ, потому что и разнообразіе дѣятельности притомнаго человѣка въ значительной степени находится въ связи съ ходомъ дѣла, съ моментомъ процесса, когда онъ появляется на сцену: судить (рѣшать) возможно только присутствуя при заключеніи процесса, при постановкѣ приговора; присутствуя же при осмотрѣ или освидѣтельствованіи, остается только быть живымъ свидѣтелемъ происходившаго.

К. т. XVIII, №№ 193, 292, 358; №№ 50, 134, 135, 136, 152, 153, 154, 192; Иванишевъ, у. с. прилож. № 2; А. В. К. т. XVIII, №№ 111, 152, 191, 192, 230, 244, 267, 302, 318, 432, 440, 441; №№ 90, 92, 183, 274, 327, 345; Иванишевъ, у. с. прилож. №№ 2, 3; А. В. К. т. XVIII, №№ 145, 154, 156, 280, 281, 301, 428, 442; №№ 180, 230.

Отсюда возникаетъ возможность раздробленія притомныхъ людей копы на нѣсколько группъ (коллегій), дѣйствующихъ раздѣльно или совмѣстно смотря по обстоятельствамъ дѣла. Разнообразіе этихъ группъ на копномъ судѣ совершенно такое же, какъ и въ другихъ судахъ Руси Литовской того времени. Не вдаваясь въ подробности, отмѣтимъ, какія группы притомныхъ людей описываются въ актахъ копнаго суда. Это дастъ намъ общую картину, которой мы пока и удовольствуемся.

Кромѣ простой коллегіи (группы) вознаго со стороной или стороны, замѣняющей вознаго, въ копныхъ актахъ отмѣчаются иногда весьма сложныя группы различныхъ притомныхъ людей, представляющія изъ себя тѣ или другія комбинаціи извѣстной уже намъ стороны вознаго. Въ однихъ случаяхъ присутствуетъ сложная группа нѣсколькихъ возныхъ со стороной, въ другихъ случаяхъ— сложная группа нѣсколькихъ сторонъ, въ третьихъ случаяхъ— сложная группа вознаго со стороной и сторонніхъ людей.

I. Сложная группа нѣсколькихъ возныхъ со стороной появляется въ различныхъ комбинаціяхъ.

а) Первая комбинація—это присутствіе одного вознаго со стороной отъ истца и другого вознаго со стороной отъ отвѣтчика. Въ этихъ случаяхъ число представителей того и другого изъ тяжущихся можетъ быть равнымъ или неравнымъ—безразлично. Призывъ вознаго со стороной можетъ исходить не только отъ самихъ потерпѣвшихъ и обвиняемыхъ, но и отъ ихъ пановъ или урядниковъ, если они лица несвободныя (съ конца XVI в. по правилу въ судахъ вмѣсто слугъ, бояръ и подданныхъ ищутъ ихъ паны). Пояснимъ сказанное примѣрами изъ судебной практики того времени.

Примѣръ № 1. 10-го Сентября 1603 г. панъ Петръ Григорьевичъ Бузезскій захватилъ на своемъ полѣ лошадей, принадлежащихъ подданнымъ пана Криштофа Рафаловича Мизгира. По вызову на копу является п. Кр. Р. Мизгиръ со своими подданными, имѣя при себѣ („маючи при собе“) вознаго Андрея Васильевича Мизгира и сторону двухъ мужей, п. Залетелаго и п. Лецовича. Истецъ П. Г. Бузезскій имѣетъ своего вознаго, Дмитрія Дешуковича, со стороной трехъ шляхтичей (пп. Каспоръ Павло-

вичъ Мизгиръ, Янъ Дешуковичъ и Гермасюта). Происходитъ осмотръ потравы и слѣдовъ, оставленныхъ лошадями. Послѣ осмотра истецъ проситъ обоихъ возныхъ и ихъ сторону, чтобы они оцѣнили шкоду, судили и сказали свой приговоръ.— Примѣръ № 2. 9-го Октября 1582 г. собирается вторая большая копа по дѣлу о кражѣ и поджогѣ гумна и дома пана Ивана Семеновича Верещаки. Обвиняется подданный лѣсничаго Кобринскаго, Валентій Печискій. Лѣсничій самъ представляетъ копѣ своего подданнаго и придаетъ отъ себя вижомъ нѣкоего Николая. Копа допрашиваетъ обвиняемаго, судитъ, признаетъ его виновнымъ и сказываетъ свой вырокъ. При томъ присутствуютъ: вижъ Николай, а со стороны истца возный, Война Лукьяновичъ Лозовицкій, и многочисленная сторона земянъ Берестейскаго повѣта.

б) Другая комбинація—это присутствіе двухъ возныхъ отъ различныхъ частей копы: одинъ возный—отъ одной части копы, другой возный—отъ другой части копы.

Примѣръ № 3. Сосѣдъ Шенявскаго имѣнія, Петръ Скоковскій, обвиняется жителями нѣкоторыхъ селъ Пружанской волости въ кражѣ воловъ. 19-го Ноября 1659 г. собирается копа на обычномъ мѣстѣ. Сходятся всѣ паны, сосѣди и участники Шенявскаго имѣнія, а также пограничная Пружанская волость. Копа происходитъ въ присутствіи двухъ возныхъ-генераловъ: отъ Шенявскаго имѣнія—п. Николай Новогонскій, отъ Пружанской волости—п. Александръ Шавловскій. Обвиняемый на копу не выходитъ. Копа посылаетъ за нимъ, но когда къ нему въ домъ являются представители копы съ вызовомъ, онъ убѣгаетъ въ лѣсъ. Послѣ того вся копа съ генералами отправляется къ дому Скоковскаго, отряжаетъ людей для обыска и при генералахъ обнаруживаетъ украденныхъ воловъ. Скоковскій признается виновнымъ. Реляцію копнаго приговора даетъ генералъ Новогонскій.

II. Сложная группа нѣсколькихъ сторонъ составляется не только тогда, когда одна сторона призвана въ судъ истцемъ и другая отвѣтчикомъ, но и тогда, когда сама копа или ея часть также самостоятельно выставляетъ еще свою особую сторону.

Примѣръ № 4. 11-го Февраля 1696 г. шляхта Полуховичи Серницкіе, шляхта Прасоловичи Островскіе (Рафалъ и Федоръ Григорьевичи), подданные Серницкіе и подданные іезуитскаго пинскаго коллегіума изъ села Иванчичъ (Опанасъ Ломачичъ и Василь Мартысикъ) сошлись на копу по дѣлу о кражѣ свирна (клѣти) пана Петра Прасоловича Островскаго изъ села Серниковъ. Копа состоялась въ Серникахъ. Стороной были: отъ истца, Н. Прасоловича Островскаго,—указанные подданные іезуитовъ; отъ шляхты Полуховичей Серницкихъ—указанная шляхта Прасоловичи Островскіе. Слѣдствіемъ удалось установить, что преступленіе совершено паномъ Матфеемъ Ивановичемъ Серницкимъ и паробкомъ Остапомъ. Виновные признались добровольно. Тогда вся громада, какъ шляхта Полуховичи Серницкіе со стороной вышеуказанныхъ Прасоловичей Островскихъ, такъ и подданные Серницкіе со стороной изъ села Иванчичъ („my wszytka gromada, tak szlachta Połuchowiczy Serniccy, także y z przytomnością y stron nas wysz rzeczonych osob Prasołowiczow Ostrowskich, iakoż poddanych iego królewskiey mości Sernickich, iako y xięży iezuitow sioła Iwanczyc strony użyte"), руководствуясь справедливостью и закономъ, осудили виновныхъ и назначили потерпѣвшему вознагражденіе за причиненныя шкоды. Декретъ подписанъ копниками и стороной (мы, сторона ужитая, и мы вся громада, шляхта Серницкая и подданные Серницкіе).

III. Сложная группа вознаго со стороной и сторонних людей бываетъ весьма разнообразнаго состава.

а) Такъ, иногда встрѣчаемъ совмѣстно вознаго со стороной отъ истца и еще особую сторону отъ него же. Въ этихъ случаяхъ возный со своей стороной обыкновенно имѣетъ значеніе свидѣтеля суда, а сторона истца судитъ вмѣстѣ съ копой.

Примѣръ № 5. 14-го Марта 1625 г. собралась копа по дѣлу о кражѣ двухъ клѣтей у подданнаго Рѣчицкаго пана Петра Патея изъ села Чапель на Глубокой, по имени Станислава Нарковича Зедзиковича. Въ составъ копы вошли подданные многочисленныхъ сосѣднихъ имѣній. Истецъ явился на копу, имѣя отъ своего пана урядоваго генерала, Бобра Петровицкаго, со сторо-

ной (два шляхтича—Александръ Остромецкій и Янъ Прегалинскій). Кромѣ того въ качествѣ притомныхъ людей, взятыхъ стороной на копу („ludzy postronny, ktorzy byli stroną na kopę wzięci"), присутствовали три человѣка подданныхъ королевскихъ изъ Рѣчицы. Процессъ начался съ выясненія, кто на копу не явился. И это было засвидѣтельствовано генераломъ со стороной. Потомъ одинъ изъ присутствующихъ и нѣсколько человѣкъ изъ отсутствующихъ подданныхъ королевскихъ изъ села Щерчова были обвинены истцемъ, который представилъ и соотвѣтствующія доказательства. И это опять было засвидѣтельствовано генераломъ со стороной. Когда дѣло достаточно выяснилось, было предложено всей копѣ дать приговоръ по совѣту съ посторонними людьми („a potym wszystkiey kopy pytali, abysie z ludzmi postronnemy naradziwszy, sąd y zdanie swoie dowiedzieli"). Вся копа, передъ генераломъ, единогласно признала ихъ виновными. Это было засвидѣтельствовано генераломъ со стороной, который свое сознаніе подъ печатью и подписью своей и съ подписями стороны шляхты, при немъ бывшей, далъ для записи въ гродскія книги. — Примѣръ № 6. 2-го Сентября 1685 г. панъ Михалъ Кирдей съ женой своей принесли жалобу по поводу крупной кражи ихъ имущества и поджога двора. На копу были вызваны представители 12 селъ. Кромѣ того былъ ужитъ возный Михалъ Сарновскій со стороной, панамъ Шпаковскимъ и панамъ Диковицкимъ, и нѣсколько пріятелей истцевъ, а именно пп. Гильбрантъ, Боркъ, Винчи и Гричина („general, strona szlachta y przyiacieli żałuiących, szlachta urodziwa, na ten sąd uproszona"). Слѣдствіе производила сама копа и сама же дала приговоръ о четвертованіи преступниковъ, которые оказались частью подданными истца, частью подданными другихъ пановъ. Возный со стороной являлись свидѣтелями всего суда; пріятели же истцевъ выступали въ отдѣльные моменты процесса—разрѣшали пытку, являлись свидѣтелями врученія обвиненныхъ преступниковъ ихъ пану для заключенія въ тюрьму, ѣздили по просьбѣ истцевъ къ отсутствующему пану одного обвиненнаго съ предложеніемъ взять его на поруки. Реляцію копнаго приговора составилъ возный и укрѣ-

пилъ ее своей печатью и подписью, а также печатями своей стороны.

б) Возный со стороной отъ копы присутствуетъ совмѣстно со стороной отъ истца. Во всѣхъ актахъ процесса они принимаютъ одинаковое участіе, судятъ вмѣстѣ съ копой и потомъ вмѣстѣ съ представителями копы сознаютъ копный судъ въ урядѣ.

Примѣръ № 7. 22-го Ноября 1582 г. Матысъ Хорковскій, у котораго подожгли строеніе, погналъ слѣдъ преступника, собравши сосѣдей и сторонихъ людей на кону. Слѣдъ привелъ къ селамъ Рожищскимъ, обыватели которыхъ его не отвели и на копу выйти не захотѣли. Тогда копа пригласила вознаго („по возного собе до вряду послала“) и затѣмъ вмѣстѣ съ нимъ и со сторонними людьми присудила на невышедшихъ шкоды. Этотъ приговоръ сознали въ урядѣ представители копы (копники и сторонніе люди), посланные вмѣстѣ съ вознымъ, и ихъ сознаніе подтвердилъ возный. Стороной при возномъ были: п. Янъ Несебенцкій и п. Матысъ Выгоновскій. Стороной при копѣ были („сторона, которая при томъ была“): Прокопъ и Мишко Ждановичъ изъ Лукова—крестьяне п. Андрея Загоровскаго, Юско Романчичъ изъ Суска и Антонъ изъ Носячевичъ—крестьяне п. Щаснаго Харлинскаго, Остапъ изъ Володковщизны—крестьянинъ кн. Василія Сокольскаго.

в) Возный со стороной и неизвѣстные посторонніе люди на одной и той же копѣ встрѣчаются нерѣдко. Въ дѣлахъ копныхъ судовъ часто не разъяснено, кѣмъ призванъ возный и кѣмъ—такіе посторонніе люди; но иногда можно думать, что и они присутствуютъ по призыву истца, который собираетъ и самую копу. Въ виду измѣнчиваго употребленія словъ „посторонніе, чужіе люди“ часто очень трудно опредѣлить, какое значеніе имѣютъ тѣ или другіе изъ мужей, называемыхъ въ актѣ постороннимн. Типическіе случаи обычно сообщаютъ:

„Я возный со стороной, такими-то двумя шляхтичами, былъ на копѣ, собранной паномъ такимъ-то, истцемъ. Когда мы пріѣхали на мѣсто собранія копы, застали не малую громаду людей такихъ-то и еще другихъ постороннихъ, такихъ-то. Слѣдствіе громада чинила при бытности указанныхъ постороннихъ мужей такъ и такъ и дала такой то приговоръ. О чемъ я возный и докладываю“.

Иногда о присутствіи сторонних людей въ такихъ актахъ узнаемъ какъ-бы случайно среди описанія того или другого дѣйствія копнаго суда, напр. о чьихъ-нибудь показаніяхъ и заявленіяхъ вдругъ говорится, что они даны передъ вознымъ со стороной, передъ цѣлой копой и передъ сторонними людьми, тамъ бывшими.

г) Возный со стороной отъ истца не исключаетъ одновременнаго присутствія другихъ добрыхъ людей, пріятелей того или другого изъ заинтересованныхъ участниковъ копы.

Примѣръ № 8. 5-го Октября 1625 г. панъ Стефанъ Нарушевичъ собралъ копу для разслѣдованія дѣла объ исчезнувшемъ слугѣ его, посланномъ къ Яну Борковскому. Самъ Нарушевичъ явился на копу съ вознымъ, при которомъ были стороной два шляхтича, и съ пріятелями. Явились также и другіе его сосѣди со своими пріятелями и подданными, обязанными быть на копѣ. О присутствіи всѣхъ этихъ пріятелей мы узнаемъ главнымъ образомъ благодаря дракѣ и вооруженному столкновенію, происшедшему во время разбирательства между нѣкоторыми участниками копы. Между прочимъ при п. Ярошѣ Костюшкѣ Сехновицкомъ названы три пріятеля: п. Лаврынъ Ивановичъ Воротыницкій, п. Василій Ивановичъ Воротыницкій и п. Бенедыктъ Новицкій.

д) Возный со стороной отъ истца дѣйствуетъ совмѣстно со стороной отъ отвѣтчика.

Примѣръ № 9. Прійдя въ урядъ Пинскаго замка копники сознали, что 26-го Ноября 1563 г. они были на копѣ и производили разслѣдованіе объ овцѣ, зарѣзанной у одного Почаповскаго подданнаго пана Василія Пилецкаго. Подозрѣніе и обвиненіе пало на дворнаго пастуха пана Ярослава Роскаго, Степанца. Когда начали бить дубцами подозрѣваемаго, онъ во всемъ признался. На копѣ были: со стороны пана Роскаго его дворный тіунъ Тимошъ Грицевичъ, его Почаповскій подданный Степанъ Онисимовичъ и Пашко Стецевичъ. Былъ также и возный, который по желанію пана потерпѣвшаго подтвердилъ приведенное копное сознаніе.

е) Возный со стороной отъ истца, сторона отъ него же и возный со стороной отъ урядника заинтересованной части копы появляются одновременно. Судятъ въ качествѣ высажоныхъ су-

дей сторона истца и возный со стороной отъ урядника копы. Возный же со стороной отъ истца ограничивается свидѣтельствомъ копнаго суда.

Примѣръ № 10. Подданный Синиискій Мишко Козленко 27-го Декабря 1598 г. собралъ третью копу, на которой стали урядникъ и подданные Синиискіе кн. Друцкаго-Горскаго и со своими урядниками подданные другихъ пановъ, именно п. Корсака (села Михаловское и Корсаковичи), кн. Крошинскаго (села Королищевичи и Гатово) и п. Тишкевича съ женой (села Королищевичи и Мацевичи). Истецъ, Мишко Козленко, взялъ вознаго Яна Варпаха со стороной двухъ шляхтичей (п. Стрешинскаго и п. Свенторецкаго) и высадилъ со своей стороны судей для разсудку правнаго жалобы своей, именно подданныхъ двухъ пановъ (Криштофа Служки и Виленскаго Епископа): Матѳея Андреевича Загайскаго, Бориса Занковича, Василія Калитовича, Ярошa Царовича и Супруна Цунчича. Королищевскій урядникъ пана Тишкевича, Остапко Павлюковичъ, со своей стороны на той же копѣ высадилъ для чиненія справедливости судей своихъ—вознаго Ждана Санковича Сенницкаго и сторону добрыхъ людей: Бориса Молчановича, войта Переджирскаго, Павла Тулушку и Яна Хилковича. Когда обѣ указанныя стороны на своихъ мѣстахъ засѣли, Мишко Козленко принесъ жалобу о кражѣ его лошадей. Началось слѣдствіе, которое привлекло подозрѣніе на сына Королищевскаго урядника Ивана Остапковича Козака и на гостя, бывшаго во время кражи у другого сына его же, Абрама Остапковича. Это все было засвидѣтельствовано вознымъ со стороной. По изслѣдованіи дѣла всѣ тѣ судьи, посовѣтовавшись между собой, единогласно передъ вознымъ и стороной дали такой приговоръ: Абрамъ Остапковичъ долженъ въ теченіе четырехъ недѣль представить суду своего брата и своего гостя. И это было сознано вознымъ со стороной въ урядѣ. 24-го Января 1599 г. собралась новая копа на которую Остапко Павлюковичъ взялъ вознаго Станислава Богдановича Волка со стороной—Борисомъ Януковичемъ и Павломъ Тулушкой. Копа собралась на необычномъ мѣстѣ, и это было засвидѣтельствовано вознымъ со стороной. Новое разслѣдованіе дѣла возбудило споры и копа разошлась, ничего не

постановивши. И это опять было засвидѣтельствовано вознымъ со стороной.

Всѣ эти комбинаціи различныхъ группъ притомныхъ людей копы, бѣгло изображенныя нами на десяткѣ примѣровъ, указываютъ на одно общее стремленіе: всякому заинтересованному лицу имѣть своихъ представителей въ судѣ. Такъ что въ идеалѣ, какъ возможность (иногда впрочемъ осуществляющаяся), копный судъ долженъ происходить при участіи столькихъ группъ притомныхъ людей, сколько лицъ затрогиваются въ томъ или другомъ отношеніи даннымъ судебнымъ разбирательствомъ. Такъ какъ всякій процессъ сильнѣе всего затрогиваетъ интересы истца и отвѣтчика, то и въ судахъ чаще всего приходится встрѣчаться именно съ ихъ представителями, особенно со стороной самого истца.

Конечно, въ уголовныхъ дѣлахъ скрывающійся и не извѣстный преступникъ въ большинствѣ случаевъ отъ себя никакой стороны выставить не можетъ. Зато заинтересованная община такимъ правомъ пользуется широко, такъ какъ при неотысканіи виновника ей грозитъ отвѣтственность вмѣсто него и за него (институтъ заступничества)[1]). Сторона, призываемая заинтересованной общиной, принимающей участіе въ копѣ, называется „копной стороной“. Призывая копную сторону вѣче осуществляетъ только то право, которое принадлежитъ и всякому суду вообще—право выставлять своихъ добрыхъ людей. Это право принадлежитъ всякому суду, потому что часто самъ судъ можетъ быть заинтересованъ въ томъ, чтобы не судить дѣла безъ добрыхъ людей—и тогда онъ самъ вызываетъ ихъ, обращается къ ихъ помощи и за ихъ совѣтомъ. Случаи такого рода отмѣчаются и въ Литовскомъ Статутѣ, напримѣръ:

„Тогды вжо брядъ самъ кгродский, осадивши при собе людей добрыхъ шляхъту, справедливость з нимъ жалобному чинити маеть подле сего статуту“.—„Ино вжо тотъ панъ або врядникъ оного двора, взявши к собе на тое право возного и двухъ шляхтичовъ земянъ

---

[1]) См. Г. В. Демченко, Наказаніе по Литовскому Статуту, 1894 г., ч. I, стр. 126—152.

нашихъ господарскихъ, маеть такую речь судити и сказовати и до заплаты винъного у везенью держати".

Согласно съ этимъ и въ судебныхъ актахъ иногда читаемъ такія заявленія судьи даже столь авторитетнаго, какъ самъ панъ староста Городенскій: „а такъ я, не хотячи самъ того судити, отложилъ есми тое право на инший часъ", пока не сойдутся сторонніе мужи, вызванные для того („ку тому везвани").

Причины, почему судъ обращается къ помощи добрыхъ людей, могутъ быть различными. Но найчаще такой призывъ является послѣдствіемъ того, что или судъ самъ затрудняется рѣшить дѣло, требующее бо̀льшей опытности и знанія права, или же возникаетъ опасность подвергнуться нареканіямъ и обвиненіямъ въ пристрастіи, злоупотребленіяхъ (напр., когда приходится судить чужихъ людей, когда та или другая сторона процесса находится въ особыхъ отношеніяхъ къ судьямъ и т. п.) — опасность весьма реальная при существованіи отвѣтственности для просудившагося судьи. Присоединивъ къ суду сторонніхъ добрыхъ людей, такой отвѣтственности можно было и избѣжать: „судья, судячи суды, не можетъ быти каранъ за зло суда, бо не онъ самъ судитъ, але пановѣ", — говоритъ Вислицкій Статутъ. Эти причины равно дѣйствуютъ во всякомъ процессѣ. Онѣ же болѣе или менѣе проявляютъ свое дѣйствіе и въ процессѣ копномъ; и въ этихъ случаяхъ сама копа „способляетъ" себѣ сторону добрыхъ людей, обыкновенно трехъ-четырехъ человѣкъ, при возномъ или безъ вознаго—безразлично, и проситъ ее принять на себя разсмотрѣніе дѣла. Между прочимъ такую сторону мы встрѣчаемъ тогда, когда составныя части копы (напр., различныя села или общины въ нее входящія) сами живо заинтересованы дѣломъ и не полагаются на взаимное безпристрастіе другъ друга.

Такъ, въ одномъ случаѣ кражи пчелъ и лошадей составилась копа изъ подданныхъ Шипянскихъ и Реваницкихъ, которые издавна привыкли сходиться на общее для нихъ коповище стародавнее. Были потерпѣвшіе и съ той, и съ другой стороны; но виновные еще обнаружены не были и потому неизвѣстно было, къ числу какихъ людей, Шипянскихъ-ли или Реваницкихъ, они

принадлежатъ. Старинная солидарность всѣхъ членовъ одной и той же общины настоятельно побуждала въ этомъ случаѣ, ради безпристрастія слѣдствія и суда, выставить отъ обѣихъ заинтересованныхъ половинъ копы постороннихъ посредниковъ. Собравшаяся копа тотчасъ же организуется и именно въ такомъ порядкѣ. Со стороны своей Шипянцы высадили людей стороннихъ, мужей добрыхъ, подданныхъ Смолевицкихъ Виленскаго воеводы, по имени: Карпа Ворсу, Максима Зобашевича и Мануйла Гриневича. Высажоные мужи засѣли на копѣ, а при нихъ же засѣлъ еще и возный повѣтовый съ особой стороной (два шляхтича), взятый на справу отъ урядника тѣхъ же Шипянцевъ. Послѣ нѣкоторыхъ предварительныхъ распоряженій мужи Смолевицкіе, сторона вышеуказанная, спросили подданныхъ Реваницкихъ: а у васъ есть ли своя сторона добрыхъ мужей, которые бы, на этой копѣ съ нами засѣвши, искали виновнаго среди подданныхъ Шипянскихъ и Реваницкихъ? На такой вопросъ старецъ Реваницкій со своими мужами отвѣтилъ: стороннихъ людей у насъ нѣтъ, но мы васъ и со своей стороны просимъ, чтобы вы какъ отъ Шипянцевъ, такъ и отъ насъ вмѣстѣ съ нами искали виновнаго; что вы найдете, на томъ мы и перестанемъ. Эти слова подданные Смолевицкіе, сторона мужи высажоные, засвидѣтельствовали возными и стороною шляхтою, которая была при немъ. Послѣ того началось разслѣдованіе дѣла и самый судъ.

Встрѣчалась копная сторона и въ другихъ случаяхъ — напримѣръ, когда къ ней прибѣгали, чтобы воспользоваться ея опытностью и знаніями. Роль такой копной стороны могла быть вполнѣ самостоятельной и независимой, причемъ дѣятельность остальной громады утрачивала значительную долю своей обычной активности. Но это случалось рѣдко. Не слѣдуетъ упускать изъ вида, что копа — не одинъ судья, и потому всегда почти могла найти въ своемъ собственномъ составѣ лицъ опытныхъ, заслуживающихъ довѣрія и „вѣдомыхъ копнаго суду“. Оставалось только неопытнымъ копникамъ не мѣшать болѣе опытнымъ, въ сознаніи, что присоединеніе къ коллегіи судей лицъ незнающихъ и непонимающихъ ничего, кромѣ вреда, принести не можетъ; оставалось положиться на уважаемыхъ представите-

лей народной мудрости и сдѣлать ихъ, такъ сказать, органами всего остальнаго собранія. Такъ объ этомъ и говорятъ иногда акты копнаго суда.

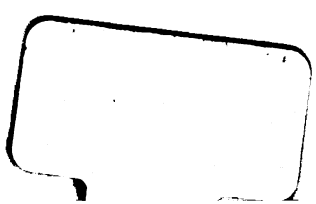
„My (kopo) obebrawszy między sobą mężow dobrych, wiary godnych y wiadomych kopnego sądu, przez ktorych wszystkie podobięstwa, dowody i odwody uważywszy,... nakazuiemy y daiemy powod, aby iegomość pan Horski z iegomoscią panem Piseckim wespoł dali wine iegomosci panu Jerzemu Stetkiewiczowi".

Повидимому даже установились опредѣленные обычаи („według prawa kopnego")—избирать съ этой цѣлью опытныхъ мужей по-нѣсколько человѣкъ (одинъ, два, три) отъ каждаго села, принимавшаго участіе въ копномъ судѣ.

Поэтому копная сторона дѣйствуетъ чаще всего вмѣстѣ съ представителями копы, обычно выступая не отъ всей копы, а только отъ нѣкоторыхъ общинъ, входящихъ въ ея составъ. Хотя, впрочемъ, указаніе актовъ копнаго суда, что при однѣхъ общинахъ были посторонніе люди, и умолчаніе ихъ о присутствіи такихъ людей при другихъ селахъ копы не всегда обозначаетъ, будто только одна часть копы имѣла сторону, а другая ея не имѣла. Напримѣръ, изъ четырехъ актовъ начала XVII столѣтія, посвященныхъ одному и тому же дѣлу и содержащихъ заявленія о немъ разныхъ заинтересованныхъ лицъ, три описываютъ копу, составленную изъ подданныхъ Смолевичанскихъ и Бакштанскихъ, и говорятъ о присутствіи на ней стороны добрыхъ людей только при Бакштанахъ, а въ четвертомъ упоминается о сторонніхъ людяхъ, состоящихъ только при Смолевичанахъ. Изъ сопоставленія же всѣхъ актовъ вытекаетъ съ несомнѣнностью, что копная сторона была и у тѣхъ, и у другихъ.

Копная сторона и сторона вознаго встрѣчаются отдѣльно при разныхъ дѣлахъ. Присутствуя же при одномъ и томъ же копномъ процессѣ обѣ эти стороны иногда сливаются другъ съ другомъ, иногда же выступаютъ раздѣльно, какъ двѣ самостоятельныя группы притомныхъ людей копы. Въ послѣднемъ случаѣ сторона вознаго играетъ роль свидѣтеля суда, освѣтчаетъ его отдѣльные акты и потомъ сознаетъ передъ урядомъ обо всемъ

происходившемъ, что она видѣла и слышала („что мъ видялъ и слышалъ, сознаваю правдиве“); копная же сторона выступаетъ, какъ судья дѣла, дѣйствующій самостоятельно или вмѣстѣ съ другими копниками [1]).


[1]) Лит. Ст. 1588 г., IV, 102; А. В. К. т. XVIII, №№ 192, 37, 67; №№ 360—361; № 441; Иванишевъ, у. с. прилож. № 3; А. В. К. т. XVIII, №№ 244, 78, 304, 306, 335, 430, 431, 84, 116, 151, 244, 249—251, 328, 344, 346, 349, 356, 394; Иванишевъ, у. с. прилож. №№ 3, 5; А. В. К. т. XVIII, № 32; №№ 173—174; Лит. С. 1588 г., IV, 29; XIV, 4; А. В. К. т. XVII, №№ 218, 250; Вислицкій Статутъ, 117; А. В. К. т. XVIII, №№ 141, 180, 340, 433, 441; № 141; № 396; № 394; №№ 304. 329, 377, 391, 405; №№ 126—129.